

• НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА •

Мирослав МОРОЗОВ

ВАЛЕРИЙ БОБРУС ВИКТОР ИВАЩЕНКО
ИЛЬЯ КУРГАНОВ АЛЕКСАНДР СВИСЮК

АЛЕКСАНДР МАРИНЕСКО

ПОДВОДНИК №1

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

2-е издание

На линии фронта. Правда о войне

**Александр Маринеско.
Подводник № 1. Документальный
портрет. Сборник документов**

«Книжный мир»

2022

УДК 623.827
ББК 68.53

Александр Маринеско. Подводник № 1. Документальный портрет.
Сборник документов / «Книжный мир», 2022 — (На линии
фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-6047705-1-1

В 1945 году в течение одного боевого похода на подводной лодке Балтийского флота С-13 капитан 3-го ранга Александр Маринеско торпедировал и потопил два океанских лайнера, на которых погибло более 8 тысяч немцев. Одним из судов являлось второе по величине судно германского пассажирского флота «Вильгельм Густлоф». Несмотря на всю значимость данного факта, который многие считают подвигом, Маринеско не был при жизни удостоен звания Герой Советского Союза, хотя такое представление и было подготовлено его непосредственным начальством. Высокое звание было присвоено лишь в 1990 году, после многочисленных обращений общественных и ветеранских организаций, спустя почти тридцать лет после смерти самого подводника. Несмотря на восстановление исторической справедливости, интерес к имени А.И. Маринеско не угас и в наше время. Почему ему не было присвоено звание Герой Советского Союза в 1945 году? Действительно ли он был развратником и пьяницей или всё это наговоры завистников? Подвигом или военным преступлением было потопление лайнеров, на борту которых находилось множество беженцев? Можно ли назвать потопление лайнера «Вильгельм Густлоф» событием, встряхнувшим гитлеровский рейх до основания? На эти и другие вопросы попытались ответить авторы-составители труда, осветив жизнь Александра Ивановича Маринеско при помощи без малого 200 архивных документов. Работа рассчитана не только на специалистов, но и на широкие круги общественности, которые интересуются судьбой А. И. Маринеско, правдой об этой весьма неоднозначной фигуре, которую многие считают народным героем. 2-е издание, дополненное и исправленное. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 623.827

ББК 68.53

ISBN 978-5-6047705-1-1

, 2022

© Книжный мир, 2022

Содержание

Предисловие	7
Загадка Александра Маринеско: мнение авторов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Александр Маринеско. Подводник
№ 1. Документальный портрет
Сборник документов**

**Авторы составители: Мирослав Морозов,
Валерий Бобрус, Виктор Иващенко,
Илья Курганов, Александр Свисюк**

© Морозов М. Э., Бобрус В. В., Иващенко В. Н., Курганов И. С., Свисюк А. Г., 2022

© Книжный мир, 2022

© ИП Лобанова О. В., 2022

* * *

В газете «Красный Черноморец» в одной из статей было сказано, что на крейсер «Коминтерн» было сброшено больше 1000 бомб, в другой статье той же газеты, помещенной на 2 дня позже, уже говорилось «около 2000 бомб», и оба эти сообщения были неверными.

Вранье и ложь в пропаганде, агитации и печати дискредитируют партийно-политическую работу, флотскую печать и наносят исключительный вред делу большевистского воспитания масс.

Из директивы заместителя Наркома ВМФ СССР и Начальника Главного политического управления ВМФ армейского комиссара 2 ранга И. В. Рогова.

Предисловие

2013 год был ознаменован целым рядом круглых военно-исторических дат. Не остались незамеченными среди них 100-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Александра Ивановича Маринеско – фигуры поистине легендарной, за которой уже давно закрепился титул «подводника № 1» отечественного ВМФ.

Любовь и вера, как правило, не имеют четко выраженных причин и объяснений – они в них просто не нуждаются. Обратной стороной этого нелогичного, но весьма распространенного подхода является создание образа предмета поклонения. Традиционно такой образ вмещает большую часть палитры человеческих добродетелей, а недостатки, если они вообще есть, представляются весьма несущественными, и их показ, как правило, преследует лишь цель очеловечить созданный образ.

При всей распространенности подобного алгоритма создания портретов народных героев, он содержит один существенный недостаток: такой образ не выдерживает столкновения с действительностью. Ведь публикация небольшой подборки или даже одного реального документа о человеке могут в корне перевернуть представление общества о нем. После такого нередко возникают вопросы: кто, когда, а главное, зачем «произвел» данного субъекта в герои?

Из вышеизложенного можно вынести лишь один урок: героем следует признавать только того, о ком известно достаточно много, и не только по устным рассказам, но и из документов, того, кто в самом деле, а не по легендам, совершал поступки, достойные подражания и не совершал достойных осуждения. Только такой подход может уберечь общество, и в особенности наше подрастающее поколение, от негативного резонанса, который неизбежно возникает после развенчания очередного кумира. Альтернативный подход – сокрытие и искажение правды, – какими бы благими намерениями они не объяснялись, в век информационных технологий не решает, а в лучшем случае только оттягивает решение проблемы, не говоря уже о том, что в контексте военно-патриотического воспитания он, как и всякая ложь, безнравственен и потому совершенно недопустим.

Именно с целью восстановления исторической правды о легендарном человеке и был задуман настоящий сборник. Первое издание сборника вышло в 2015 году и содержало 144 документа, освещающих боевой путь А. И. Маринеско, а также борьбу за посмертное присвоение ему звания Герой Советского Союза. Главным отличием второго издания является добавление 50 документов, позволяющих уточнить ряд важных вопросов, связанных со службой Маринеско в ВМФ, а также в деталях раскрыть его работу в гражданских организациях после увольнения с военной службы в 1946–1963-м гг., о чём достоверных сведений ранее не было. Мы не переоцениваем результаты своего труда и понимаем некоторую однобокость подобного подхода – не даром существует выражение «сухой язык документов», но всё же считаем его лучшим из возможных.

Авторы выражают надежду, что настоящий сборник вызовет живой интерес и окажется полезным не только для профессиональных историков, но и для офицеров и матросов российского ВМФ, ветеранов и всех тех, кто интересуется историей отечественного флота 1930–1940-х годов минувшего века.

* * *

Документы в сборнике располагаются в проблемно-хронологическом порядке. Документы о боевых походах приводятся в следующей последовательности: боевое донесение командира подводной лодки (А. И. Маринеско); заключения вышестоящих начальников (в

случае их отсутствия – выписки из отчетов о действиях эшелонов подводных лодок); выписки из квартальных отчетов бригад подлодок и заключения штаба КБФ по ним; различные документы, иллюстрирующие боевые столкновения, имевшие место в течение похода, документы противника по этим столкновениям; политдокументы о походе; представления к наградам по результатам похода. Археографическая обработка выполнена в соответствии с общими требованиями, предъявляемыми к изданиям военно-исторических документов. В текстах документов сохранены все стилистические особенности, сокращенные названия и условные обозначения должностей, учреждений, войсковых частей, а также терминов, присущих военно-морской специфике. Грамматические ошибки, имеющиеся в ряде документов, исправлены без дополнительных оговорок. В научно-справочный аппарат сборника включены: предисловие, заключение, примечания по тексту в подстрочнике, приложения и список сокращений. Помимо него сборник включает и статью, в которой излагается авторская гипотеза относительно личности А. И. Маринеско, оценки его деяний, с которой каждый волен соглашаться или нет.

Авторы-составители сборника выражают искреннюю признательность за помощь в работе В. В. Абатурову, И. В. Борисенко, О. А. Балашову, В. И. Жуматию, А. Я. Кузнецову, Р. В. Кузнецовой, К. Л. Кулагину, С. А. Липатову, В. Д. Овчинникову, А. Н. Одайнику, О. Н. Ольховатскому, В. В. Павловскому, С. В. Патянину, П. В. Петрову, И. В. Щетину.

Загадка Александра Маринеско: мнение авторов

В этом материале мы попытаемся максимально объективно, отбросив всё то, что говорили и говорят об Александре Ивановиче Маринеско, нарисовать образ народного героя таким, каким он нам представляется из документов. При этом в своей реконструкции, не претендующей никоим образом на истину в последней инстанции, мы исходили из той очевидной мысли, что героями не рождаются, а становятся в результате совершения определенных деяний, имеющих подвигов. Иными словами, человек не рождается с лавровым венком на голове, а им его наделяют современники либо потомки, отдавая дань его свершениям и проявленным нравственным добродетелям. Из этого следует, что личность такого человека следует изучать с использованием всего инструмента законов антропологии и психологии, а это значит, что при таком изучении не может быть никаких запретных тем и заведомо недопустимых гипотез. Тем, кто считает, что авторам негоже навязывать своё мнение до ознакомления с материалом, рекомендуем пропустить данную часть и вернуться к ней позже, после ознакомления с документами, приведенными ниже.

Детство и юность Маринеско не дают оснований выделить его из десятков или даже сотен тысяч молодых людей, родившихся и выросших в приморских городах и являвшихся естественной средой пополнения кадров торгового и военного флотов. По признанию самого Александра Ивановича «революционные традиции» его семьи, да и сама атмосфера южного портового города заставляла будущего «подводника № 1» отдавать предпочтение службе на торговых, а не военных судах. Таким образом, выбор в качестве учебного заведения Морского техникума Одессы представляется вполне закономерным. Призыв Маринеско на обязательную для всех трудящихся военную службу после пятидесятилетней службы на торговом судне совпал с развертыванием в СССР массового строительства подводных лодок. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что 20-летний молодой человек с техникумом за плечами был поставлен в строй не рядовым краснофлотцем или красноармейцем, а зачислен для обучения в Специальные классы командного состава ВМС РККА. Решение это было принято не добровольно, а как указал в автобиографии сам Александр Иванович, «по мобилизации ЦК ВКП(б)».

По свидетельству писателя Александра Александровича Крона, близко общавшегося с Маринеско, некоторые аспекты начавшейся военной службы сильно тяготили будущего героя¹. Не изменилось их восприятие и впоследствии, даже несмотря на то, что Александр Иванович стал командиром военного корабля и теперь сам должен был требовать соблюдения дисциплины подчиненными как в море, так и на берегу. О своём отношении к воинскому порядку довольно откровенно, а значит, с осознанием собственной правоты, он говорил писателю в начале 1960-х годов. Не эти ли мотивы и черты характера обусловили поведение Маринеско в промежутках между боевыми походами в годы войны и, в особенности, в период базирования в портах Финляндии в 1944–1945 годах? Впрочем, не станем забегать вперед, хотя это признание представляется весьма важным для раскрытия логики последующих событий.

¹ «Легче всего изобразить противоречия, обуревавшие в то время слушателя спецкурсов Маринеско, как столкновение еще не утраченных “нравов одесской вольницы” с разумной воинской дисциплиной. Но это было бы ошибкой... Угнетало его другое. Возвратившись из плавания и ступивши ногой на твердую землю, торговый моряк обретает свободу. Он уже не подчинен своему капитану и волен в своих поступках. В своем неприятии казарменного быта Александр Иванович был не одинок. Среди его товарищей по курсу были люди, не менее остро переживавшие изменение привычных мерок. Будь они обычными призывниками, им было бы проще освоиться, но, несмотря на свою относительную молодость, они уже хлебнули другой жизни, ничуть не более легкой и даже более ответственной, но другой. Через четверть века Александр Иванович записывает в тетрадку: “Учеба на курсах первое время шла у нас плохо. Военная служба многих не устраивала, больше всего не любили мы строевые занятия и всякое, даже на короткое расстояние, передвижение строем. Многие у нас стали нарочно плохо учиться в надежде, что их отчислят...”» // Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 73–74.

Уже через год после призыва Маринеско стал командиром штурманского сектора средней подводной лодки, хотя выпускники единственного в то время Военно-морского училища имени Фрунзе по окончании 4-летнего срока обучения, как правило, назначались на нижестоящую ступень – командирами групп. Объяснялось это жестоким «кадровым голодом», который испытывал подводный флот РККФ с началом массового вступления в строй серийных субмарин советской постройки. Первый период службы на военном флоте – трехлетнее пребывание штурманом подлодки Щ-306 – раскрывается в выявленных документах довольно слабо. А ведь этот период очень важен для формирования любого офицера. Первый командир, под началом которого служил Маринеско, Н. С. Подгородецкий, отмечал недостаточную дисциплинированность своего подчиненного (док. № 1.7), но второй, А. А. Косенко, составил вполне ординарную характеристику (док. № 1.8). Стал ли Маринеско иначе относиться к службе или все дело в том, что Косенко исполнял обязанности спустя рукава, и у него самого были проблемы с дисциплиной и алкоголем, из-за чего в разгар войны он попал в штрафное подразделение?

В конце 1937 года Маринеско был направлен на годичное обучение в Учебный отряд подводного плавания. Отряд готовил на должность помощника командира подлодки, но успешно справлявшиеся с должностями старпомов, как правило, через год или даже более, становились командирами без какого-либо дополнительного обучения. Александр Иванович был назначен помощником командира на Л-1 в ноябре 1938-го, а уже в мае 1939 года стал командиром М-96. Причиной столь скорого выдвижения послужили не какие-то особые успехи в боевой подготовке (практически вся служба на Л-1 совпала с периодом зимнего ледостава, когда подлодки в море не выходили), а всё тот же «кадровый голод». Достаточно отметить такой факт: летом того же 1939 года командирами «малюток» 3-й бригады ПЛ КБФ были назначены сразу пять лейтенантов училищного выпуска 1937 года! По сравнению с ними Маринеско выглядел явным переростком. Несомненно, что, помимо развертывания массового строительства новых кораблей, причиной «голода» являлись и репрессии 1937–1938-го годов. Жертвой «перегибов на местах» чуть было не стал сам Александр Иванович, но его вынужденное расставание с флотом (увольнение по национальному признаку) длилось всего 19 дней и вряд ли могло серьезно отразиться на характере и привычках. По крайней мере, в последующих событиях он явно не производил впечатления робкого и подавленного репрессивной системой офицера.

Следующим достойным внимания штрихом биографии, безусловно, стало награждение золотыми часами за отличные торпедные стрельбы в 1940 году. Ещё бы, сам нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов – личность сама по себе для наших моряков легендарная – отметил молодого подводника ценным подарком. Однако если обратиться к документу № 1.33, становится понятно, что награждение осуществлялось по разнарядке – по одному командиру субмарины от каждого флота. Выйти же в число лучших Маринеско помогло то, что новейшая М-96 занималась отработкой задач БП в течение всей кампании 1940 года, в то время как большинство подлодок КБФ более ранней постройки после окончания войны с Финляндией требовали более или менее серьезного ремонта. Это же обстоятельство, кстати, объясняет и нахождение М-96 в 1-й линии (одна из двух перволинейных лодок Балтфлота!) на момент начала Великой Отечественной войны – остальные подводные корабли не успели сдать вступительные задачи либо по выходу из ремонта, либо после смены командиров в конце 1940 года. Кстати, из пяти подлодок 26-го дивизиона в конце 1940 года своих командиров сменили три, при этом все трое ушли на повышение – стали командирами средних «шук» и «эсок». Маринеско, согласно аттестации, тоже был достоин назначения командиром субмарины типа «С», но его всё-таки не повысили. Стремилась задержать на бригаде как лучшего или нашлись кандидаты достойней его? При ответе на этот вопрос стоит вспомнить, что в том же документе № 1.33 лучшей из подводных лодок КБФ по итогам боевой и политической подготовки названа другая «малютка» 26-го дивизиона – М-94 старшего лейтенанта В. А. Ерилова. Хотя он был на два года моложе Маринеско и только в 1936 году окончил ВМУ имени Фрунзе, именно он первым из своих

одногодков стал командиром средней подлодки – Щ-322 в октябре 1940 года. Поскольку в соответствии с существовавшей тогда системой корабль, получивший нового командира, откатывался в т. н. «организационный период», само по себе причисление к той или иной линии говорит, скорее, о стабильности экипажа, чем о талантах и заслугах командира.

Сама же отработка торпедных стрельб, благодаря которой Александр Иванович и выдвинулся в отличники, на наш взгляд, была далека от идеала: в течение 1940 года пять подлодок 26-го ДПЛ, в котором служил Маринеско, выполнили 93 торпедных стрельбы в том числе 79 «воздухом» (т. е. без фактического выпуска торпед) и 14 практическими торпедами. При этом план считался выполненным на 100 %. Согласно документам, М-96 отработала его на 135 % (более подробные данные найти не удалось), что в абсолютном выражении должно было составить примерно 25 торпедных атак, в том числе три – четыре практическими торпедами. Следует подчеркнуть, что сюда входили не только пуски по кораблям-целям, но и прострелка торпедных аппаратов практическими торпедами после ремонтов или монтажа системы беспыльной стрельбы. Вряд ли такое количество можно назвать впечатляющим, а ведь никакой другой возможности попрактиковаться в торпедной стрельбе у экипажа М-96 не было ни до, ни после 1940 года. А потому не удивительно, что в своей первой реальной атаке в 1942 году, произведенной в действительно сложных условиях обстановки, Александр Иванович в цель не попал.

К этому же периоду службы относятся первые «легенды о Маринеско». Вот одна из них в изложении довольно известного питерского публициста: *«Маринеско переделывал “под себя” и железо лодки. Александр Крон пишет, что Маринеско обкорнал заборные патрубки цистерн главного балласта так, что лодка погружалась много быстрее, чем предусмотрено проектом. В нетвёрдых руках такое “конструктивное улучшение” привело бы к проваливанию лодки на глубину и к гибели. В руках команды Маринеско это изменение не раз спасало моряков “С-13” от немецких бомб и торпед»*. Что же тут правда, а что плод фантазии? Если не заострять внимания на технической безграмотности писавшего – цистерны заполняются не через мифические патрубки, а через кингстонные решетки – приходится констатировать, что ничего о конструктивных переделках на субмаринах, которыми командовал наш герой, А. А. Крон никогда не писал. В его книге есть фрагмент прямой записи речи А. И. Маринеско², где тот утверждал, что в дозорном патрулировании накануне войны при отработке срочных погружений М-96 удавалось погрузиться за 17 секунд. Сам по себе показатель весьма высокий, но он нигде не задокументирован³, как и конструктивные изменения в системе погружения и всплытия «малютки». Тем более нет никаких документов о технических переделках на С-13, которой Александр Иванович командовал с апреля 1943 года, а они не могли быть осуществлены без ведома командования, техотдела флота и проведения доковых работ.

А вот что не является выдумкой, так это тот факт, что именно на этот период жизни А. И. Маринеско приходятся первые упоминания о серьезных дисциплинарных проступках⁴. Возможно, косвенной причиной для них послужила личная драма – фактический распад семьи. Хотя Маринеско официально развелся лишь перед вторым вступлением в брак в 1946-

² Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 88.

³ В РГА ВМФ удалось найти лишь один документ (ф. р-918, оп. 1, д. 60, л.17), в котором указывается время погружения М-96. Это «Заключительный протокол официальных приёмо-сдаточных испытаний ПЛ М-96 (зав. № 9685) постройки завода № 112» от 16 октября 1939 г. Раздел «Погружение и всплытие», пункт а), порядковый номер 3: «...Время погружения с момента открытия кингстонов и клапанов вентиляции всех балластных цистерн (с заранее заполненной цистерной быстрого погружения) до момента ухода топа перископа в воду (в сек.):– задано по спецификации – около 50;– получено при испытаниях – 42;– данные по М-97 (Головная ПЛ проекта. – Прим. сост.) – 42...». Вероятно, за 17 секунд М-96 погружалась из позиционного, а не из крейсерского положения, но вряд ли этот показатель существенно отличался от других однотипных кораблей.

⁴ Если не считать таковыми выговор, полученный в 1933 году в период учебы в СККС «за пьянку», как указал это сам Маринеско в 1946 году при заполнении «Личного листка по учету кадров заграничавания» (ЦГА СПб. Ф.Р-6087. Оп.26. Д.7. Личное дело Маринеско А. И. – старшего помощника капитана БГМП. Л. 7).

м или 1947-м гг., в своих послевоенных автобиографиях он указывал, что с женой совместно не жил с 1939 года⁵. Не исключено, что первопричиной этому послужили перебазирования 26-го дивизиона подлодок, который в конце декабря 1939 года перешел в арендуемую у тогда ещё независимой Эстонии ВМБ Палдиски, а летом 1940 года – в полученную по итогам советско-финляндской войны базу Ханко. Известно, что к моменту начала Великой Отечественной войны там имелись семьи военных моряков, но Маринеско, как видно, в их число не входил. Впрочем, сделанные в этот период жизни фотографии Александра Ивановича в модном гражданском костюме не свидетельствуют о том, что он сильно предавался тоске одиночества. Более того, сложно поверить, что случай, имевший место в Таллине 29 мая 1941 года (см. док. № 2.3) и приведший к срыву выхода «малютки» на мерную милю, был первым и единственным в своём роде – слишком уж большой размах для первого раза имел тот загул. Первое известное взыскание за злоупотребление алкоголем было наложено комсомольской организацией Специальных классов командного состава ещё в 1933 году. Парткомиссия бригады, успевшая провести заседание до начала войны, объявила Маринеско «за пьянку с подчиненным и появление на корабле в пьяном виде» выговор (см. док. 2.15). Интересно отметить, что подчиненным, с которым командир М-96 «отдохнул» на берегу, был никто иной, как старшина группы электриков, исполнявший внештатные обязанности секретаря партийной организации «малюток». Для него это нарушение дисциплины окончилось снятием с партийной должности.

В боевых действиях М-96 на первых порах оказалась в стороне от главных событий Великой Отечественной войны на Балтике, и в этом отчасти был виноват сам командир – произошедшая днем 22 июня 1941 года по вине личного состава авария лодочного дизеля (док. № 2.5) заставила поставить корабль в аварийный ремонт, а после его окончания отправить «перволинейный» экипаж на боевую подготовку в Лужскую губу. В 20-х числах июля состоялся боевой поход в Рижский залив, который в связи с отсутствием там сколько-нибудь значимого судоходства противника не принес никаких результатов. За этим последовали новая авария, на этот раз из-за неудачной конструкции разобщительной муфты дизеля, и возвращение на ремонт в Ленинград. Он как раз завершался, когда в конце августа 1941 года возникло решение об отправке двух балтийских «малюток» по железной дороге на Каспий для выполнения функций учебных кораблей при эвакуированном в Махачкалу Учебном отряде подводного плавания имени С. М. Кирова. М-96 была определена в качестве одной из них, и неизвестно, как сложилась бы судьба будущего «подводника № 1», если бы не начавшаяся блокада Ленинграда, не позволившая перевезти корабль.

С этим периодом связан ещё один весьма неоднозначный эпизод карьеры Маринеско. Сложная обстановка и большие потери в начале войны не могли не отразиться на политико-моральном состоянии подводников. Дело дошло до таких нетерпимых в армии явлений, как пораженческие высказывания и открытая критика действий командования. Зачастую всё это происходило после обильных возлияний. Ситуацию усугубил конфликт между командиром бригады ПЛ Героем Советского Союза Н. П. Египко и командующим флотом вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем, который поспешил отправить в конце сентября на соединение комиссию Политуправления КБФ (док. № 2.12). Всего в результате чистки в сентябре – октябре 1941 года суду было предано восемь офицеров и политработников БПЛ, из которых четверо были приговорены к высшей мере наказания. Необходимо отметить, что среди четырех расстрелянных был командир подлодки Щ-406 капитан-лейтенант В. В. Максимов. Поводом к столь суровому приговору послужила самовольная отлучка, которую Максимов совершил, чтобы проститься с уезжавшей в эвакуацию сестрой. Маринеско будет арестован за аналогичное преступление в

⁵ Эта информация корректируется воспоминаниями старшей дочери Леоноры, которая в своей книге утверждает, что семейная жизнь А. И. Маринеско возобновилась весной 1944 года после возвращения семьи в Кронштадт из эвакуации и продолжалась, с перерывом на перебазирование бригады ПЛ КБФ в порты Финляндии (октябрь 1944 г. – июль 1945 г.) до конца 1945 года.

январе 1945 года, но с ним обойдутся иначе. Тогда же осенью 1941 года 23 подводника из числа принадлежавших к командному и политическому составу соединения были привлечены к партийной ответственности, причем 10 исключены из рядов ВКП(б). В число снятых вошли и оба начальника Маринеско: был предан суду военком дивизиона «малюток» А. Г. Дымский, двумя месяцами позже был снят с должности комдив Н. К. Мохов. Обоим ставились в вину проступки подчиненных, среди которых имя Александра Ивановича занимало далеко не последнее место. Но особенно драматической представляется судьба командира Щ-307 Н. И. Петрова, которого, с точки зрения современных знаний, можно уверенно назвать первооткрывателем боевого счета не только подводников КБФ, но и вообще всех советских подводников в Великой Отечественной войне (10 августа 1941 г. потопил немецкую субмарину «U 144»). За злоупотребление алкоголем и высказывание пораженческих настроений в октябре 1941 года он был приговорен к 10 годам лагерей (док. № 2.16) и умер в заключении, не пережив первой блокадной зимы в ленинградских «Крестах». Причем осуждению не помешало ни представление к правительственной награде, ни ходатайство командования бригады (док. № 2.14). Зачем мы заострили внимание на всех этих случаях? Для того чтобы читателю было с чем сравнить последующие решения командования в отношении Маринеско, которые многие современные адепты народного героя называют «беспрецедентно жестокими», «издевательскими» и «несправедливыми». На наш взгляд, такие оценки свидетельствуют лишь о недостаточном знании реалий той весьма непростой эпохи.

Возвращаясь к событиям осени – зимы 1941 года можно с удивлением отметить, что несмотря на неоднократные упоминания Маринеско в числе нарушителей воинской дисциплины (док. № 2.12, 2.17, 3.1), сам он отделался всего лишь исключением из числа кандидатов в ВКП(б) (док. № 2.15) – мерой, несомненно, достаточно мягкой в сравнении с существовавшей тогда практикой. Но сама формулировка, по которой происходило исключение, на наш взгляд, весьма примечательна и говорит о многом: *«За систематическую пьянку, за развал дисциплины на ПЛ, за отсутствие воспитательной работы среди личного состава, за неискреннее признание своих ошибок»*. Тем не менее звание и должность Александра Ивановича никак не изменились, не говоря уже о придании суду. С удивлением можно отметить, что, несмотря на отсутствие боевых успехов и низкие показатели в дисциплине, Маринеско по-прежнему оставался на хорошем счету у командования и политорганов. Иначе сложно объяснить тот факт, что во всех «разгромных» документах конца 1941-го – начала 1942 года его имя встречается лишь мимоходом, и нет ни одного документа, посвященного персонально ему. Дело дошло до того, что в весьма пространный доклад о партийной работе за 1941 год, содержащий подробные данные о мерах партийного воздействия на каждого командира и политработника БПЛ, факт исключения Маринеско из кандидатов в ВКП(б) даже не упоминался. Всё это плохо вяжется с образом бунтаря против штабной некомпетентности и комиссарского произвола, каким его пытаются представить в современных публикациях и произведениях масс-медиа. Если бы он на самом деле был таким, то его карьера, скорее всего, закончилась в том же 1941 году, а судьба мало отличалась бы от судьбы Н. И. Петрова. Напротив, позже на конкретных примерах мы покажем, что при разборе дисциплинарных проступков Маринеско охотно признавал свою вину, обещал исправиться, но это никак не влияло на его дальнейшее поведение. Представляется, что именно показная лояльность по отношению к руководству позволила ему сохраниться в качестве командира подлодки до того момента, как он добился реальных достижений и обрел заслуженную известность.

Первым шагом на пути к этому стал поход М-96 на позицию между Таллином и Хельсинки в августе 1942 года.

И хотя Маринеско не удалось подкрепить декларируемый успех фактическим потоплением (док. № 3.10, 3.11), этот поход представляется наиболее сложным и опасным за всю карьеру героя. Послевоенный анализ показал, что субмарина форсировала 39 линий мин и

однажды даже коснулась минрепа⁶, но благодаря правильным действиям командира избежала встречи с миной. Особенно примечательным это достижение становится, если принять во внимание, что однотипные М-95 и М-97, ходившие этим же маршрутом до и после «96-й», в базу так и не вернулись...

Период с сентября 1942 года по сентябрь 1944 года в развитии личности нашего героя сложно оценить однозначно. С одной стороны, на него пришлось награждение Александра Ивановича орденом Ленина (3 сентября 1942 г.) и повторный прием в кандидаты в ВКП(б) (12 октября 1942 г.). Награждение орденом перевешивало в глазах командования не только неприятный осадок от склонности к частым выпивкам на берегу (док. № 3.22), но и снова выдвигало Маринеско в число кандидатов на вышестоящую должность – назначение командиром подлодки среднего водоизмещения. Оно состоялось в апреле 1943 года с назначением командиром С-13. По счастливому стечению обстоятельств этот корабль не участвовал в предпринимавшихся весной и летом 1943 года попытках подлодок вырваться за пределы Финского залива, что, скорее всего, окончилось бы трагически. Достаточно сказать, что из пяти выходивших в море средних субмарин вернулась в базу лишь одна, а в число погибших вошли две «эски». С августа 1943 года до октября 1944 года экипаж С-13, возглавляемый своим командиром, отрабатывал на рейдах вблизи Кронштадта большинство задач курса боевой подготовки, что создало неплохой фундамент для будущих побед. За это, а также за быстрое и качественное проведение зимнего судоремонта новый комдив-1 капитан 1 ранга А. Е. Орёл дважды пытался представить командира «эски» к правительственным наградам (док. № 5.1, 5.2), но хода эти документы не получили – к тому времени сложилось негласное положение: награждать командиров только за успешные боевые походы (а их, по независящим от Маринеско причинам, пока не было).

С другой стороны, 22 месяца вынужденного безделья, когда наш герой не ходил в боевые походы, пришлось на период коренного перелома в Великой Отечественной войне и не могли пройти для деятельной натуры бесследно. И она нашла для себя достойные внимания занятия, вот только служба при этом, к сожалению, отошла на второй план. В качестве одной из причин, толкнувшей Александра Ивановича в объятия «зеленого змия», можно рассматривать гибель боевых товарищей. В августе 1943 года из разведывательного похода в устье Финского залива не вернулась С-9, которой командовал закадычный друг Маринеско А. И. Мыльников (в 1939–1941 гг. два Александра Ивановича служили в одном дивизионе и командовали соответственно М-96 и М-97). Ещё раньше – в июле 1943 года – погиб другой товарищ и коллега по «малюточному» дивизиону – командир М-102 П. В. Гладилин. Поминки по погибшим друзьям вылились в очередной «эксцесс» (док. № 4.2) с последовавшими за ним служебным и партийным взысканиями. Затем в течение нескольких месяцев никаких громких происшествий за Маринеско не числилось. Весной 1944 года в Ленинград из эвакуации вернулась семья Александра Ивановича, но вскоре после приезда Нина Ильинична узнала, что муж в её отсутствие жил с другой женщиной, к которой он окончательно ушел в конце 1945-го, – к блокаднице, некой Анне Ивановне⁷. Чисто по-человечески понять Маринеско можно – испытания разлукой и войной выдерживали далеко не все, тем более, что полноценная семейная жизнь (если верить данным из автобиографий и анкет Маринеско) дала трещину ещё в 1939 году. Но последующие события наглядно показали, что он не хранил верность и своей новой любви. Так, может, дело было и не в любви вовсе?

К осени 1944 года, когда подлодки КБФ вновь получили возможность выйти на просторы Балтики, А. И. Маринеско оценивался командованием как вполне способный командир, который в силу объективных обстоятельств не успел пока проявить себя в должной мере. На

⁶ Минреп – стальной, пеньковый или капроновый трос или цепь для крепления якорной морской мины к якорю и удержания её на определенном расстоянии от поверхности воды. – Прим. ред.

⁷ См. интервью Л. Маринеско portalу «Моряк Украины» // URL: <http://moryakukrainy.livejournal.com/190669.html>

его злоупотребление спиртным, самовольные отлучки, а также начавшие отмечаться с 1943 года «аморальные явления» (под этим подразумевались случайные сексуальные связи жена-того Маринеско с другими, в т. ч. случайными женщинами) смотрели если не сквозь пальцы, то достаточно спокойно. Объяснялось это в значительной степени тем, что морально-психологическое состояние экипажей подводных лодок в 1943–1944 гг. оставалось довольно сложным (док. № 5.4), а резерв подготовленных командиров-подводников, которыми можно было бы заменить нарушителя дисциплины, был давно исчерпан. В то же время с весны 1944 года отношение командования к злоупотреблению спиртным стало ужесточаться. 30 апреля вышел приказ НК ВМФ Н. Г. Кузнецова № 0349 «О запрещении выдачи и распития винно-водочных изделий на кораблях, в частях и учреждениях ВМФ», которым прямо запрещалось распитие алкоголя на службе сверх установленных «наркомовских» 100 грамм. В появившейся вслед за этим директиве начальника Главпура ВМФ И. В. Рогова подчеркивалось, что «пьянство на флоте приняло недопустимые размеры, и оно, как правило, является причиной совершения военными почти всех крупных правонарушений и проступков». Впрочем, эти сигналы восприняли далеко не все...

«Кадровый голод» заставлял командование КБФ и соединений закрывать глаза и на недостаточно высокую результативность ряда подлодок, продемонстрированную в боевых походах последнего квартала 1944 года (док. № 5.9). Вошла в их число и С-13 А. И. Маринеско. Увы, анализ его действий в крейсерстве между 5 октября и 11 ноября 1944 года говорит не в пользу будущего «подводника № 1». Фактически за 38 суток нахождения в море С-13 смогла обнаружить всего четыре потенциальных цели, и лишь одна из таких встреч завершилась атакой. Налицо были факты плохой работы акустика и шифровальщика подлодки, причём в результате ошибок последнего «эска» дважды занимала не те позиции, где ей следовало патрулировать (док. № 5.7). Не случайным представляется тот факт, что в своём заключении командир дивизиона капитан 1 ранга А. Е. Орёл уклонился от оценки результатов похода, а комбриг капитан 1 ранга С. Б. Верховский оценил их как удовлетворительные, отметив при этом *«недостаточную настойчивость в поиске транспортов противника после обнаружения шумов по ШП»*. Намного жестче в своей декабрьской директиве прокомментировал действия С-13 Военный совет КБФ (док. № 5.8). Конкретно в вину её командиру ставились редкие всплывания под перископ (через каждые полчаса вместо 10 минут), что шло вразрез с требованиями боевого наставления, а также двукратная грубая ошибка в определении элементов движения транспорта при торпедной стрельбе. При разборе этого эпизода комдив Орёл фактически упрекнул Маринеско в очковтирательстве: *«Заявление командира, что ТР в момент трехторпедного залпа застопорил ход, а в момент одиночного выстрела дал ход и этим объясняя промахи, неверно, т. к. торпеда должна была бы попасть в ТР через 32 секунды, а ТР застопорил ход и сразу же, погасив энергию, (чего быть не может) не дошел бы до точки встречи с торпедой только 90 метр., что при стрельбе веером с растворением 2°20' в обе стороны при такой дистанции все равно привело бы к попаданию, такой же подсчет можно сделать и для повторного выпуска по стоящему ТР одной торпеды»* (док. № 5.6). Можно не сомневаться, что если бы командованию стали известны истинные результаты атаки на транспорт «Зигфрид» (док. № 5.12), который Маринеско объявил потопленным, не имея на то формальных оснований (не убедился в погружении тонущего судна, что дало возможность экипажу спасти его), оценка оказалась бы ещё ниже.

С другой стороны, мало кто из командиров бригады ПЛ Балтфлота в первых походах 1944 года смог добиться большего – сказывались длительный перерыв в плавании и, несомненно, определенная неуверенность перед лицом сильного и опытного противника, каким для нас на протяжении всей войны оставался немецкий военно-морской флот. Впрочем, вскоре наши подводники убедились в том, что немцы далеко не так всемогущи на море, как это казалось ранее – в течение последнего квартала 1944 года бригада потерь не имела, зато по докладам

потопила 29 торговых судов и три боевых корабля. Реальные цифры были ощутимо меньше, но истина заключалась в том, что немцы не имели сил не только для эффективной борьбы с подлодками, но даже для непосредственной защиты своих конвоев – в них, как правило, число охраняемых судов превышало число эскортных кораблей, причём иногда даже в 1,5–2 раза. Самый эффективный способ защиты коммуникаций и главная причина потерь наших субмарин – постановка оборонительных минных заграждений вдоль трасс движения конвоев – не был использован немецким командованием по целому ряду причин. Для действий подлодок КБФ сложилась благоприятная ситуация, извлечь полную выгоду из которой мешали слабость разведки, отсутствие современных приборов обнаружения и целеуказания, а в определенной мере и пассивность ряда командиров, понимавших, что исход войны решается не на море, а на сухопутном фронте и стремившихся избежать ненужного, с их точки зрения, риска.

Из вышеизложенного можно прийти к заключению, что к началу 1945 года А. И. Маринеско, имевший на своём официальном счету две победы, явно не возглавлял список наиболее результативных и прославленных командиров подлодок Балтфлота. На тот момент картина по видимой результативности среди 18 командиров боевых подлодок БПЛ КБФ была следующей: восемь официально засчитанных побед имел А. М. Матиясевич (командир «Лембита»), по шесть – С. Н. Богорад (Щ-310) и М. С. Калинин (Щ-307), пять И. В. Травкин (в 1942 г. в период командования Щ-303), по четыре – А. А. Ключкин (С-4) и Р. В. Линденберг (Д-2), три – И. П. Попов (К-56). Равное с Маринеско количество имели П. П. Ветчинкин (Щ-309), П. И. Бочаров (Щ-407), В. А. Дроздов (К-51) и В. К. Коновалов (Л-3), причём по потопленному тоннажу все они, за исключением Коновалова, превосходили показатели командира С-13. Таким образом, А. И. Маринеско находился на 11-й позиции из 18 возможных (за вычетом «малюток» – на 11-й из 16 возможных). Если брать фактическую результативность подводников Балтфлота, которую на тот момент не мог знать никто, то и тут позиция нашего героя с одним поврежденным судном смотрелась ещё скромней – на 13-м месте после Ключкина, Линденберга, Матиясевича, Коновалова, Могилевского, Дроздова, Травкина, Ярошевича, Попова, Ветчинкина, Богорада и Бочарова. Зато фамилия будущего «подводника № 1» в списках нарушений воинской дисциплины занимала одну из лидирующих позиций, а «терпимость» со стороны командования к данному вопросу в конце 1944 года заметно снизилась.

Одной из главных, но недостаточно освещенных причин падения уровня дисциплины на БПЛ была передислокация подразделений бригады в порты Финляндии. Почему реакция на проступки подводников после этого события стала намного более жесткой? В чем же было отличие финских условий от наших? С точки зрения командования и политотдела, это заключалось сразу в нескольких принципиальных моментах.

Во-первых, оказавшись за границей, тем более в капиталистической стране, граждане советского государства не имели морального права вести себя недостойно, подрывая тем самым такие важные тезисы официальной пропаганды, как успехи в формировании нового сознания советских людей, повышении их культурного уровня и т. п. Вековые традиции обычных моряков, стремящихся насладиться экзотикой и удариться в загул в первом попавшемся иностранном порту (а именно этот пункт, как мы знаем, был одним из принципиальных несогласий «торгового», по своей психологии, моряка Маринеско с положениями военной службы), должны были быть им чужды. Тем более это касалось лиц командного состава, которые в соответствии со своими обязанностями являлись не только воспитателями личного состава, но и должны были подавать ему личный пример. В качестве своеобразной компенсации предоставлялись отпуска (в т. ч. в дома отдыха подводников) и командировки к семьям в Ленинград, не говоря уже о попытках политотдела повысить качество культурно-массовой работы непосредственно в частях, но, как мы увидим на конкретном примере, это срабатывало далеко не с каждым.

Во-вторых, до сентября 1944 года Финляндия являлась военным противником СССР, её население воспитывалось в соответствующем духе, а потому весьма вероятными казались террористические акты по отношению к советским военнослужащим, попытки вербовки их иностранными разведками, выведывание у них сведений военного характера. С позиций сегодняшнего дня многие опасения командования кажутся чрезмерными или даже смешными, но фактически все они формировались в рамках стереотипов мышления той непростой эпохи и тезиса о необходимости максимальной бдительности, тем более в отношениях с иностранцами. К тому же, как следует из документов (док. № 5.18, 6.1, 6.19, 6.20), далеко не все поступки финнов по отношению к нашим морякам объяснялись одними добрыми намерениями или даже просто подчинялись законам формальной логики.

В-третьих, политотделу были хорошо известны возникшие у части личного состава сомнения в декларируемом советской пропагандой «бедственном положении трудящихся в капиталистических странах», особенно после того, как они ознакомились с состоянием дел на месте. Так, например, командир 3-го ДПЛ капитан 2 ранга Г. А. Гольдберг заявил: *«Если бы у нас ликвидировали колхозы и создали бы единоличное хозяйство, оно выглядело бы примерно вот так, как эти домики в Финляндии»*. Чего же тогда можно было ожидать от рядовых краснофлотцев? Часть личного состава не могли не привлекать такие элементы «сладкой жизни» на Западе, как круглосуточно работающие рестораны, игорный бизнес и проституция. В политотделе боялись бегства из частей подобно тому, как это было в конце 1939-го – начале 1940-го гг. во время нахождения советских контингентов на территории тогда ещё независимых прибалтийских республик. К счастью, до этого, как правило, не доходило, и всё замерло на предыдущей стадии – массовых самовольных отлучках и пьянках, в том числе с участием финнов как мужского, так и женского пола. Причём даже такие жесткие меры, как предание суду и направление в штрафные подразделения, не могли заставить ряд офицеров и краснофлотцев не использовать свой шанс на «некультурный отдых», если таковой представлялся.

Ещё неприятнее для высшего командного и политического состава было то, что факт принадлежности моряков к коммунистической партии почти не играл никакой роли: проступки совершали как беспартийные, так и коммунисты. В декабрьском политдонесении (док. № 5.18) утверждалось, что число самовольных отлучек по сравнению с ноябрем выросло с 34 до 39, а общее количество дисциплинарных проступков установить крайне затруднительно. Для сравнения заметим, что в 1943 году на БПЛ совершалось всего по 6–7 самоволок в месяц. В стремлении навести порядок, командование и политотдел не стеснялись прибегать к драконовским мерам. Точное количество дел, переданных на рассмотрение суду военного трибунала за ноябрь и декабрь 1944 года установить не удалось, но из контекста документов вытекает, что их было не менее двух десятков. Но и этого оказалось недостаточно. В выводной части декабрьского донесения начальник политотдела БПЛ капитан 2 ранга С. С. Жамкочьян высказал мысль, что *«для пресечения злостных нарушителей дисциплины целесообразно провести ряд показательных судебных процессов»*. В 1941 году именно на таких процессах были осуждены командир Щ-307 Н. И. Петров и уже упоминавшийся комиссар 5-го ДПЛ А. Г. Дымский. Теперь шанс стать героем подобного процесса выпал самому Маринеско, суд над которым должен был состояться в начале января 1945 года. Что же конкретно ему инкриминировалось?

Исходя из весьма неполных документов, рисуется следующая картина: после совершения ряда самовольных отлучек и аморальных явлений, включая ночевку с финской женщиной с танкера на борту ПБ «Иртыш» 11 декабря, парткомиссия БПЛ 29 декабря рассмотрела персональное дело коммуниста Маринеско. На заседании он *«дал слово не повторять подобных фактов и обещал честной боевой работой искупить вину перед партией»* (док. № 5.18). Но, как это неоднократно бывало и раньше, данное заявление оказалось пустыми словами. Записанная со слов Маринеско писателем Александром Кроном (повесть «Капитан дальнего пла-

вания») история о новогоднем загуле с красавицей шведкой – хозяйкой ресторана⁸ в новогоднюю ночь оказалась не более, чем романтической легендой, придуманной для легковверных читателей. Фактически в соответствии с приказом командира БПЛ с 31 декабря 1944 года по 1 января 1945 года все увольнения на берег были категорически запрещены (док. № 5.20), и все описанное в повести «Капитан дальнего плавания», в лучшем случае, были мечтами самого Александра Ивановича в художественной обработке А. А. Крона. О реальных обстоятельствах самовольной отлучки, совершенной Маринеско 5 января 1945 года, свидетельствует сохранившаяся в архиве объяснительная записка его товарища, командира плавбазы «Смольный» капитан-лейтенанта В. С. Лобанова. Ввиду важности приведем её основное содержание:

«Придя однажды в комиссию⁹, я узнаю, что прачка¹⁰ уехала в Союз, мне пришлось искать новую через уборщицу, обслуживающую наших офицеров. С ней я встречался раза 3–4 и то в гостинице при посещении капитана 1-го ранга т. Белова. Разговор вели через переводчика, ибо она по-русски не говорит. Числа 2–3 января 1945 года я зашел по делам службы в комиссию, где узнал, что эту девушку уволили с работы за связь с русскими.

Придя на корабль, спустя 2 суток я рассказал капитану 3-го ранга Маринеско о случившемся, который высказал мне идею – пойти к ней и извиниться.

⁸ «Наиболее точно, стремясь хотя бы отчасти сохранить интонацию Александра Ивановича, я воспроизвел его рассказ о пресловутом загуле в Турку, оставшемся, несмотря ни на что, несмываемым клеймом на репутации подводника № 1. Сегодня уже ничто не мешает мне включить в моё повествование эту трагикомическую новеллу, теперь, по прошествии многих лет, она уже не может никого задеть. Воспроизвожу эту запись в том виде, в каком я прочитал её Ивану Степановичу, опушу только имена и смягчу некоторые выражения, не имеющие существенного значения. Грубоват Александр Иванович бывал, циничен никогда. «А насчет финки – не отрицаю. Был такой грех. Положим, она не финка, а шведка была. Всё-таки нейтральная нация. Дело было в Турку под новый, сорок пятый год. Финляндия вышла из войны, мы стоим в порту, живем на плавбазе. Лодка полностью готова к выходу в море, ждем приказа. Скука смертная, надоело все друг другу – дальше некуда. Мы с другом моим Петей Л., помните его, наверно, от тоски лезем на стенку. Решили пойти в город, там в гостинице жили знакомые ребята из советской контрольной комиссии, хотели встретить с ними Новый год. Деньги у меня были. Приходим, никого нет. Где – неизвестно. Заходим в ресторан. Открыто, но в зале ни души, одни официантки. Как видно, финны – домоседы, любят Новый год встречать дома. Мы попросили девушек накрыть нам в кабинете столик на шестерых, хоть и было нас всего двое. Расчет был на то, что наши знакомые вернутся и подсядут. Однако никто не идет. Мы в меру выпили, закусили, стали петь потихоньку украинские песни. Девушки заходят, слушают, улыбаются нам, но к столу, как мы ни звали, присесть не решаются. Вдруг откуда ни возьмись хозяйка. Молодая, лет этак двадцати восьми, красивая, сразу видно огонь-баба. Прогоняет девок, сама подсаживается к нам, заговаривает по-русски. У нас сразу контакт. Я ей мигаю: дескать, нельзя ли и моему другу составить компанию? Поняла, вызвала с этажа какую-то свою помощницу, тоже ничего, интересная собой. И гуляем уже вчетвером. А затем забрали со стола спиртное, ещё кое-чего и поехали на пятый этаж, где у неё собственный апартамент. Откровенно скажу, мы друг дружке по вкусу пришлись. Она бедовая, веселая. Незамужняя, но есть жених. Инженер, работает в Хельсинки в фирме. Почему же, спрашиваю, он не с тобой встречается? Потому, говорит, что у них в фирме такой порядок – встречать с хозяином. Из-за этого, говорит, я с ним даже поссорилась. Ну и правильно, говорю... Утром раненько в дверь стучат. Что за шум? Докладывают: жених приехал из Хельсинки, ожидает внизу. А я как раз в самый задор вошел. «Прогони», говорю. Она смеется: «Как так – прогони? Мне за него замуж идти. Ты ведь на мне не женишься?» Это уже вроде как без шуток спрашивает. А я тоже со смехом: «Пойдешь за меня?» – «Пойду, – говорит. – И гостиница твоя будет». Тут я совсем развеселился: «Сашка Маринеско – хозяин гостиницы! Нет, говорю, – не женюсь, а ты этого, что внизу, всё-таки прогони, пусть едет к своему хозяину». И что же вы думаете – прогнала. Такая отчаянная баба! Прошло сколько-то времени, не считал, признаться: опять стучат. Докладывают: военный. Ничего не слушает, требует командира. Выглядываю. Батюшки мои – доктор. Военфельдшер с лодки. Дознался и разыскал. «Отцы командиры, – говорит, дуйте скорее на базу, там черт-те что творится... Наши уже заявили финским властям: пропали два офицера...» Возвращаюсь в апартамент, объясняю положение – что делать? Моя смотрит холодно, с усмешкой: «Что делать? Прогони его». Я аж рот разинул: «Как так – прогони?» – «А очень просто, прогони, и всё. Я ради тебя жениха прогнала, а ты подчиненному приказать не смеешь?» – «Так он же видел меня, он скажет...» – «А ты запрети. Он кто – офицер? Возьми с него слово. Или у ваших офицеров слова нет?» – «Ну это ты брось, – говорю. – У наших офицеров слово очень крепкое...» Вышел к доктору и говорю: «Ты меня не видел». – «Товарищ командир, опомнитесь...» – «Сделаешь, как я велел. Понял меня? Слово даешь?» – «Даю», – говорит. И, конечно, сдержал. Когда мы с повинной явились на базу, встретили нас сурово. Обоим грозил трибунал. Но потом обошлось. К комдиву пришла делегация от команды – с другим командиром в море идти не хотим. Комдив Орёл – умный человек, понял настроение экипажа, а корабль в готовности, снимать командира, ставить нового – морёки не оберешься. И я ушел в поход – искупать вину». // Крон, А. А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 163–165.

⁹ Имеется в виду Союзная контрольная комиссия, выполнявшая роль советской военной администрации в Финляндии. Представительства комиссии имелись во всех крупных городах Финляндии.

¹⁰ Прачки и уборщицы относились к служившему на плавбазах вольнонаемному составу ВМФ, и могли наниматься непосредственно на месте стоянки плавбаз непосредственно из местного населения.

5 января 1945 года в 9 часов утра [я] решил пойти к ней сам, причём Маринеско об этом не знал. Капитан 3-го ранга Маринеско пришел ко мне 5 января примерно в 8 ч 30 минут и попросил у меня вина, я ему отказал, но он обнаружил его сам и выпил 100 гр. Когда я сказал, что иду в город, он мне ответил, что я иду тоже и идем вместе. Я у него спросил, имеешь ли ты разрешение от комдива. Он отвечает – да. Мы оба вышли в одиннадцатом часу, по пути выполнив служебные дела, я ему сказал, что зайду к этой девушке и извинюсь за причиненное мной несчастье и опять предупредил Маринеско, чтобы он шел на корабль. К ним мы пришли в первом часу. Выпили взятое мной вино и бутылку коньяку. Систематически водку я не употреблял, и после ранения ноги тем более по той причине, что у меня она отказывается работать. Здесь я охмелел и по сказанной причине решил прилечь» (док № 6.1). О дальнейших похождениях нашего героя в своей объяснительной Лобанов из соображений такта и товарищества писать не стал, а объяснительной самого Маринеско в деле не оказалось, видимо, по той причине, что сразу после возвращения в часть оба участника «рыцарского» похода были арестованы и отданы под следствие, которое должно было завершиться судом военного трибунала. Роль следственных органов должен был играть отдел военной контрразведки «Смерш», вследствие чего следует предположить, что основные документы по данному делу хранятся в Центральном архиве ФСБ, для нас пока ещё не доступном.

Теперь вслед за партийной ответственностью должна была наступить уголовная. Самовольная отлучка, а она была совершена Маринеско 5 января 1945 года далеко не впервые, считалась тогда и считается сейчас воинским преступлением. Ответственность за неё устанавливалась действовавшим на тот момент Уголовным кодексом РСФСР 1926 года. Там говорилось:

«193.5. Самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы, продолжающееся менее шести суток, при условии добровольной явки признается самовольной отлучкой. В этих случаях в отношении самовольно отлучившихся подлежат применению правила Устава дисциплинарного... Всякое самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы в боевой обстановке влечет за собой применение мер социальной защиты, как за побег... [Выделено составителями.]

193.8. Побег, совершенный в военное время или при боевой обстановке красноармейцем, а равно и побег, совершенный как в мирной, так и в боевой обстановке лицом командного, административно-хозяйственного или политического состава, влечет за собой применение высшей меры социальной защиты, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией имущества, при чем в военное время приговор к лишению свободы в отношении личного отбывания может быть отложен до окончания военных действий, осужденный же направляется в действующие части армии или флота на должности по назначению военного командования».

Статьи достаточно серьезные для того, чтобы все любители «рыцарского отношения к дамам» вмиг протрезвели, начали каяться и просить дать им возможность искупить вину боевой работой. В отношении Маринеско документ с просьбой об этом пока не обнаружен, но в том, что он был, можно не сомневаться, поскольку об этом прямо говорится в других документах (док. № 6.36). Был ли при этом Маринеско осужден трибуналом к сроку в исправительно-трудовом лагере с заменой заключения отправкой на фронт (известны прецеденты, когда служивших на боевых подлодках подводников не отправляли в штрафбат, поскольку их подлодки и так находились «на фронте») или заседание трибунала было перенесено на время после возвращения из похода с учетом его результатов, до конца не ясно, и пролить свет на это могли бы только материалы его дела, хранящегося предположительно в ЦА ФСБ. В любом случае он остался на должности командира подлодки, и уже спустя 6 суток после происшествия был отправлен в боевой поход.

С Лобановым всё получилось сложнее. За совершение самовольной отлучки он был приговорен военным трибуналом КБФ к 5 годам лагеря с заменой заключения отправкой на фронт,

что для него означало службу в штрафбате в течение двух месяцев. Шли последние недели войны, и командир плавбазы понимал, что он может попросту не успеть отбыть до Победы срок нахождения в штрафбате, а это означало последующую отправку в лагерь для отбытия оставшейся части наказания. Именно поэтому 20 января он написал покаянное письмо (док. № 6.1) с просьбой оставить его командиром плавбазы «Смольный» и обещал не допустить повторения подобных случаев впредь. Письмо прилагалось к рапорту командира БПЛ КБФ в адрес Военного совета КБФ с просьбой в связи с нехваткой офицерского состава оставить Лобанова в прежней должности. Данное ходатайство было удовлетворено, а то, как этот офицер, оставшись другом Маринеско, сумел сдержать данное им слово, мы ещё увидим.

Из всего вышеизложенного можно сделать сразу несколько выводов.

Во-первых, решение отдать Маринеско под суд совершенно не подходит под формулу сведения счетов кого-то из командования и/или политотдела с непокорным командиром. Офицер совершил далеко не первое за время своей службы грубое нарушение воинской дисциплины, которое по законам военного времени должно было караться очень сурово в уголовном порядке; многократно предупреждался, обещал исправиться, но, несмотря на это, продолжал совершать проступки вновь и вновь. Кредит доверия закончился, а чаша терпения переполнилась. С учетом того, что ситуация с дисциплиной в бригаде после перебазирования в Финляндию оставляла желать лучшего и требовался показательный процесс, шансы Маринеско и в дальнейшем избегать заслуженного наказания резко сократились.

Во-вторых, часто повторяемый тезис о том, что во время войны все «расслаблялись» одинаково, при столкновении с реальными документами не выдерживает серьезной критики. Да, выпивали многие – не будем забывать про узаконенные ежедневные «наркомовские» 100 грамм, – но так, чтобы это отражалось на исполнении служебных обязанностей – единицы, по крайней мере, среди командиров кораблей. И уж, во всяком случае, никто из командиров за всё время войны не допускал срывов плановых выходов подводной лодки в море по причине пьяных загулов. Если поднять политдонесения с декабря 1944 года по май 1945 года, то можно убедиться, что из 18 командиров боевых подлодок КБФ по причине личной недисциплинированности там упоминаются только двое – Маринеско и командир К-56 И. П. Попов. Об остальных, если и вспоминают, то только в связи с нарушениями, совершавшимися их личным составом. При этом выясняется, что в бригаде имелись экипажи, где дисциплинарные проступки вовсе не совершались на протяжении довольно значительных промежутков времени. Так было, например, на Щ-307 (капитан 3 ранга М. С. Калинин), Щ-318 (капитан 3 ранга Л. А. Лошкарев), Щ-407 (капитан 3 ранга П. И. Бочаров), где в январе и феврале 1945 года случаев нарушения дисциплины не имелось. В то же время командиры этих и других подлодок подвергались критике вышестоящего командования за недостаточные результаты боевых походов и другие упущения по службе, причём иногда довольно жестко. В сумме всё это не дает оснований считать, что все остальные офицеры ходили у командования и политотдела в «любимчиках», а Маринеско стал жертвой мифического тайного заговора.

В-третьих, как это не неприятно констатировать, но сам Александр Иванович, мягко говоря, сильно грешил против истины, когда рассказывал А. А. Крону, что «новогоднее приключение» в Турку было первым и последним серьезным нарушением за всё время его службы. Да простят нам параллели, но его версия событий больше напоминает рассказ бывшего уголовника: – «За что ты сидишь?» – «Да ни за что!» Подобная позиция, несомненно, свидетельствует о том, что даже спустя много лет после описываемых событий А. И. Маринеско не осознал недопустимость грубых нарушений воинской дисциплины в боевых условиях, не чувствовал за собой никакой вины и не признавал справедливости наказания. Об этом свидетельствует, в том числе, и нарочито упрощенный язык его рассказа А. А. Крону: «*Мы с другом моим Петей Л. (по некоторым данным, под «Петей Л.» выведен друг Маринеско Василий Лобанов – см. приложение № 3)... решили пойти в город*» – сказано так, будто выход в город

был свободным, туда можно было идти и возвращаться по собственному желанию. На самом же деле выход в город был жестко регламентирован, осуществлялся по серьезной необходимости и только с разрешения вышестоящего командира.

Или другое место в рассказе: *«Обоим грозил трибунал. Но потом обошлось. Комдив Орёл – умный человек, понял настроение экипажа...»* – насколько нужно быть уверенным в наивности собеседника, чтобы говорить ему, что решения об отдаче военнопленного под суд принимались и отменялись лицом в ранге комдива? В сумме эти и другие моменты повествования ещё раз доказывают, что когда в начале января 1945 года *«Маринеско просил командующего КБФ отменить своё решение, обещал исправиться, а также просил, чтобы ему было разрешено выйти в боевой поход командиром ПЛ, где искупить свою вину»* (док. № 6.36), его рассказ и обещание не повторять подобных вещей вновь были неискренними. Впрочем, в этом можно легко убедиться на основе последующих событий.

Тут необходимо сказать пару слов относительно «настроений экипажа», которые, якобы, понял комдив Орёл. В среде моряков гуляет легенда, что после того, как Маринеско вернулся из самовольной отлучки и был отстранен от командования подлодкой, в штаб (какой именно – в легенде звучит противоречиво или не уточняется) явилась вся команда и заявила, что с другим командиром она в море не пойдёт. Могло ли такое быть? Если бы было, то такой факт, как проявление массовой нелояльности, должен был неизбежно попасть в политдонесение или даже спецсообщение по линии политотдела, а ничего подобного в архиве не обнаружено. Важно другое: подлодка и её экипаж находились на Ханко, а командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц, который принял решение рассмотреть дело Маринеско после возвращения из боевого похода, – в Ленинграде. К нему экипаж С-13 точно не ходил и никакого влияния оказать не мог, тем более что, как уже говорилось выше, никакой информации о подобном требовании экипажа в штаб флота не поступало. Не могли они ходить и к командиру бригады, поскольку он находился в Хельсинки на борту плавбазы «Иртыш». Так что решение было принято по доброй воле комфлота, хотя он, принимая его, несомненно, советовался с командованием БПЛ, а оно и без экипажа С-13 знало, что в данных условиях быстро заменить Маринеско другим командиром не получится и график выхода лодок на позиции, за что отвечало и командование БПЛ, и командование флота перед Главным Морским штабом, будет сорван. В общем, после первой нервной реакции случай сочли недостаточно значимым, чтобы «стирать своё грязное белье» на глазах у Москвы. Судя по рассказу Маринеско, всё это прекрасно осознавал и он сам (*«корабль в готовности, снимать командира, ставить нового – морёки не оберешься»*), отчего его уверенность в собственной безнаказанности выглядит особенно циничной и издевательской по отношению к своим прямым начальникам, которые требовали от него всего лишь выполнения требований законов и устава.

Здесь мы непосредственно приступаем к анализу того самого январско-февральского похода 1945 года, за который Маринеско и снискал славу «подводника № 1».

Обстановка в конце января 1945 года на Балтике оценивалась немецким командованием как критическая. Это было обусловлено главным образом стремительностью прорыва наших войск к Кенигсбергу, Пиллау и Эльбингу. В связи с резким изменением наземной обстановки немцам требовалось одновременно решить несколько весьма сложных задач:

1. Поддерживать снабжение курляндской группировки, а главное организовать вывоз из Курляндии в Германию восьми дивизий. Помимо этого, с 23 по 28 января немцы частично морем эвакуировали гарнизон Мемеля (две дивизии), что также потребовало определенных усилий со стороны германских ВМС.

2. Организовать артподдержку сухопутных войск тяжелыми надводными кораблями 2-й боевой группы кригсмарине – сначала у берегов Земландского полуострова, затем одновременно ещё и в южной части Данцигской бухты.

3. Осуществить эвакуацию недостроенных и ремонтирующихся кораблей с судоремонтных предприятий в Кенигсберге и Пиллау в порты западной части Балтийского моря.

4. Произвести эвакуацию большой массы беженцев – населения Восточной Пруссии из районов Пиллау и Готенхафена.

5. Осуществить разминирование Данцигской бухты, в начале и середине января сильно заминированной англичанами с воздуха. Ещё в конце 1944 года все корабли в Данцигской бухте и у Либавы выводились и встречались неконтактными тральщиками и прорывателями минных заграждений, но теперь требовалось протралить ещё и районы боевой подготовки учебных соединений ПЛ, а также районы маневрирования кораблей 2-й боевой группы. Помимо этого, существовала и осознавалась перманентная угроза скрытных постановок якорных мин с наших подлодок, так что в составе наиболее ценных конвоев (лайнеры, войсковые транспорты, госпитальные суда, танкеры), как правило, выделялся один тральщик или миноносец с быстроходным подсекающим тралом.

6. Организовать перевод в порты западной части Балтийского моря соединений учебных флотилий подлодок (операция «Ганнибал»), а также многочисленных вспомогательных кораблей ВМФ из тыловых соединений (например, плавсредств школы торпедной стрельбы, различных учебных и опытовых кораблей и т. д.).

Чтобы понять масштабы только последнего мероприятия, нужно вспомнить следующие цифры. На 1 января 1945 года в кригсмарине числилось 425 подводных лодок, из которых 144 относились к боевым, 99 – к учебным и 182 проходили испытания и боевую подготовку. Практически все учебные флотилии и значительная часть проходивших испытания подлодок на этот момент находились в Данцигской бухте. Точное число находившихся там субмарин не поддается учету из-за полного уничтожения документов учебного командования подводных сил, но оценочно оно составляло от 150 до 200. Забегая вперед, отметим, что в соответствии с планом начавшейся 23 января операции «Ганнибал» переводу подлежали все учебные флотилии с их плавбазами и прочими вспомогательными судами, а также те подлодки из числа вступавших, на которых обнаружили неисправности, требовавшие работ на судоремонтных заводах – всего около 90–100 подлодок. Достаточно сказать, что через зону ответственности немецкого «Адмирала западной части Балтики» в основном с востока на запад в январе 1945 года прошло 78 подводных лодок, в феврале (в основном в течение первой недели месяца) – ещё 90. При этом растянуть переход на длительное время не позволяла обстановка на суше, стремительно развивавшаяся не в пользу вермахта.

Несмотря на большую важность, придававшуюся решению этой задачи, эскортных кораблей для неё не нашлось – немецкие субмарины осуществляли переход группами в надводном положении в составе своих флотилий совместно с плавбазами, имея в охранении торпедоловы (помимо кораблей спецпостройки в этом качестве использовались также трофейные и старые немецкие миноносцы и тральщики). Часть подлодок на момент выхода была неисправна, вследствие чего их пришлось вести на буксире. Подготовленный в крайней спешке, переход сопровождался многочисленными происшествиями. Подлодки могли терять в темноте свои отряды; на них случались неисправности, заставлявшие вернуться в порт убытия; из-за обрыва буксиров неисправные субмарины оказывались одни, и на помощь им приходилось спешно отправлять спасателей. Был даже случай, когда из-за произошедшего шторма на одной из субмарин оборвало радиоантенны и с ней двое суток отсутствовала связь. На её поиски учебное командование подводных сил отправило семь подлодок! Кроме того, на северо-востоке от Данцигской бухты, то есть в восточной части позиции С-13, находились полигоны боевой подготовки 27-й учебной флотилии, к которой были приписаны все принятые от промышленности и проходившие курс боевой подготовки подлодки. Иными словами, в пределах позиции С-13 ежедневно находилось до двух десятков немецких субмарин! Не удивительно, что в сложившейся обстановке, обнаружив неизвестную лодку, немцы не спешили применять оружие, а всегда запра-

шивали опознавательный сигнал, что, как мы убедимся, давало Маринеско большую фору на выполнение маневра уклонения или срочное погружение. В ряде случаев корабли эскорта даже не докладывали об обнаружениях «эски», по-видимому, считая субмарину своей.

Лодка покинула базу 11 января и находилась на позиции № 4 (маяк Риксхёфт – Кольберг) с вечера 13-го числа. Традиционно в отечественной историографии всё содержание этого похода сводится к потоплению двух крупных судов, а все остальные события не упоминаются вообще. Мы попытаемся нарушить этот негласный закон и рассказать обо всех боевых эпизодах январско-февральского крейсерства С-13. Ведь для верного раскрытия личности человека нужно рассмотреть не только его успехи, но и неудачи, не так ли?

«Правильность понимания» боевой задачи явствовалась уже из первых действий Маринеско на позиции. 16 января лодка пыталась перехватить обнаруженный авиаразведкой конвой. Отказаться от перехвата заставил лишь 8-балльный шторм. Первый контакт с противником состоялся в 02.30 21 января по московскому времени. Сигнальщики «эски» обнаружили неподвижно стоявший корабль противника с включенным белым постоянным огнем, который они приняли за быстроходную десантную баржу. При сближении в 03.03 наша подлодка также была обнаружена, доказательством чего стал запрос опознавательного сигнала с немецкого корабля. Маринеско от продолжения атаки сразу же отказался и лег на обратный курс. В течение отхода было обнаружено ещё несколько единиц, принятых за дозорные катера. В 04.55 был обнаружен конвой, но попытка сблизиться с ним спустя 6 минут привела к обнаружению очередного дозорного катера. В этих условиях Александр Иванович принял решение отказаться от продолжения атаки, что при разборе похода было одобрено командованием. Из радиоперехватов и дешифровки немецких сообщений, в рамках проводимой англичанами операции «Ультра», известно, что первой обнаруженной «баржей» являлась одна из новейших немецких подлодок XXI серии «U 2518», которая, в свою очередь, обнаружила неизвестную субмарину без огней, не ответившую на запрос опознавательных. Это обстоятельство дает основание полагать, что и остальные, обнаруженные с С-13, «катера» и «конвой» относились к кораблям учебного командования подводных сил кригсмарине, поскольку фарватеры движения реальных конвоев прокладывались в обход учебных полигонов подлодок, а дозор в этом районе не неся. Тот факт, что с немецкой подлодки точно опознали класс, к которому относился корабль противника, а с С-13 – нет, дает основание считать, что наша подлодка находилась в светлой, освещенной лунной части горизонта, а субмарина противника – в темной. В связи с этим необходимо отметить, что ни до войны, ни во время её на учебных полигонах на Неве и в районе Кронштадта, Маринеско не отрабатывал ночные атаки из надводного положения и, вероятно, просто не знал их тактических особенностей и предъявляемых к ним требований. Всё обучение пришлось осуществлять на основе практики в ходе самого похода.

Вторая встреча состоялась поздно вечером 22 января, когда сигнальщики С-13 обнаружили настоящий конвой. Увы, попытка сблизиться с ним не принесла результата, поскольку один из кораблей охранения повернул курсом на подлодку, что Маринеско принял за её обнаружение. «Эска» срочно погрузилась и суда прошли над ней. Доступные немецкие материалы не дают оснований считать, что обнаружение субмарины реально имело место.

Днем 24 января С-13 не удалось атаковать конвой, шедший в направлении Данцигской бухты. Сразу же после обнаружения судов командир приказал лечь на курс сближения и дать максимальный подводный ход, но спустя 16 минут выяснилось, что цель находится вне предельного угла атаки. Иными словами, в момент выпуска торпед лодка находилась бы ещё слишком далеко, чтобы поразить цель. При разборе виновными в срыве сочли вахтенного офицера, недостаточно часто производившего осмотр горизонта в перископ, и акустика, якобы поздно обнаружившего шумы цели. Спустя сутки был пропущен другой конвой, но в этом случае атаке помешала плохая видимость, вовсе не позволившая заметить цель в перископ, несмотря на то, что шум её винтов прошел рядом с лодкой.

Утром 26-го пошел сильный снег, а ветер усилился до 6–7 баллов. Днем ветер утих, но к ночи вновь усилился до 8 баллов. Шторм продолжался в течение всего дня 27 января и закончился только к вечеру 28-го. Некоторое время Маринеско ещё пытался патрулировать на позиции, но затем, придя к выводу, что при таком волнении невозможны ни надводные, ни подводные торпедные атаки, а корабли противника, скорее всего, укрываются в базе, счел за благо переждать шторм, лежа на грунте.

Однако война не всегда ведется по логике и здравому расчету. Не ясно, то ли дело было в не оправдавшемся прогнозе погоды, то ли наземная обстановка оценивалась немецким командованием настолько серьезно, что ждать было нельзя, но именно в ночь на 25 января началось проведение операции «Ганнибал». До утра 26-го один за другим Данцигскую бухту покинули восемь отрядов кораблей учебного командования подводных сил кригсмарине, насчитывавших в своём составе 16 вспомогательных судов и 58 подводных лодок. В данную сумму не включены подлодки, совершавшие переход одиночно, либо отрядами до трех единиц включительно. В число вспомогательных судов вошли также три крупных лайнера, использовавшихся в качестве плавучих казарм подводников – крупнейший лайнер Германии «Роберт Лей» (27 288 брт), «Претория» (16 662 брт) и «Дер Дойче» (11 453 брт). Штормовая погода значительно осложнила переход, особенно для тех отрядов, в число которых входили неисправные субмарины, шедшие на буксире. Так, например, из отряда 32-й учебной флотилии, эвакуировавшейся из Кенигсберга («Дер Дойче» и 14 подлодок), на буксире шли пять. Утром 26-го отряд попал в особенно тяжелую ситуацию. Сначала из-за шторма отряд распался, затем у всех сцепок по очереди порвались буксирные концы. Неисправные лодки попали в неуправляемый дрейф при том, что фарватер, по которому шел отряд, находился между берегом и мелководной банкой Штольпе, что было чревато скорой посадкой на мель с последующим разрушением штормовыми волнами. Положение лодок-буксировщиков было ненамного лучше – на некоторых из них вышли из строя дизели, а запас топлива, выданный строго на переход, быстро заканчивался. В каждом случае командование требовало одного и того же: лодка-буксировщик должна была оставаться вместе с неисправной лодкой, каждые 4 часа докладывать обстановку и ждать буксиры. Однако буксир для оказания помощи был выслан из Свинемюнде только вечером 29 января. Всё это происходило в пределах позиции С-13, и теоретически можно предположить, что любой из этих 10 аварийных кораблей, или даже несколько, могли стать жертвами «эски». Но практика часто отличается от теории.

В ночь на 29-е Маринеско обнаружил «U 539», которая находилась рядом с дрейфующей «U 1223». Интересно отметить, что под влиянием ветров и течений 26-го и 27-го аварийная субмарина дрейфовала с востока на запад, а 28-го – уже в обратном направлении. Сигнальщики советской подлодки определили цель как «2000-тонный транспорт», хотя фактически это была океанская субмарина IX серии. Из анализа немецких документов получается, что данное боестолкновение стало первым предупреждением о присутствии в этом районе моря активно действующей советской подлодки. Тем не менее в немецких штабах спокойно отнеслись к этому известию. Обстрелянная из автоматической пушки, «эска» погрузилась и легла на грунт, но не ушла из района. Тем временем днем 30 января «U 1223» была взята на буксир проходившим мимо немецким охотником за подлодками. Только 1 февраля отряду, встретившему на подходах к Свинемюнде лед, удалось достичь порта.

Сразу, как только шторм прекратился, учебное командование подводных сил возобновило отправку своих отрядов на Запад. В ночь на 29 января из Данцигской бухты вышли два отряда, включавшие шесть вспомогательных судов и 30 подлодок. За ними, незадолго до полудня 30-го, стартовал отряд 18-й учебной флотилии, куда входили плавказарма (быв. лайнер) «Антонио Дельфино» (13 589 брт), плавбаза ПЛ (быв. китобойная база) «Вальтер Рау» (13 751 брт), четыре подлодки, трофейный норвежский миноносец «Тигер», трофейный голландский тральщик «М 552» и торпедолов. Все они прошли через позицию С-13, не будучи не только

атакованы, но даже обнаружены. Зато 12-й по счету отряд стал тем самым, который обессмертил имя Александра Ивановича. Расскажем о нём подробнее.

Помимо флотилий подлодок, учебное командование подводных сил включало подразделения по первоначальному обучению рядового состава – так называемые учебные подводные дивизии. Всего их было две, причем каждая включала в свой состав по два учебных батальона. Каждый из батальонов размещался в своём судне – плавучей казарме. В качестве учебных классов использовались старые подлодки, входившие в состав приписанной к дивизии флотилии, либо помещения на самой плавказарме. Казармой для 2-го батальона 2-й учебной дивизии служил лайнер «Вильгельм Густлоф» (25 484 брт; историю судна см. прил. № 5). На момент отправки на Запад батальон насчитывал 918 курсантов и офицеров – командиров курсантских подразделений. Перед отправкой на Запад учебное командование разрешило принять на судно беженцев, поскольку его пассажировместимость, конечно же, не исчерпывалась курсантами 2-го учебного батальона и экипажем (173 человека). В соответствии с телеграммой, отправленной с борта лайнера в 14.16, на борт дополнительно было принято 73 раненых солдата, 373 женщины вспомогательной службы ВМС и 3385 беженцев. Последние в отечественной литературе иногда представляются отборными нацистскими бонзами из Восточной Пруссии, влиятельными эсэсовцами, охранниками концлагерей и т. п. Всех переплюнул капитан 1 ранга В. Бычков, написавший в юбилейном выпуске журнала «Морской сборник» о том, что на борту судна находились 7000 солдат, матросов и офицеров вермахта, в том числе около 1300 асов-подводников!¹¹ Интересная характеристика курсантов 2-й учебной дивизии, которым предстояло ещё, как минимум, 5 месяцев учиться для получения воинской специальности. Всё это не имеет никаких документальных оснований. Фактически все крупные вспомогательные суда учебного командования подводных сил перевозили на борту на Запад то или иное количество беженцев, например, плавбаза «Вальтер Рау» – 3100 чел., лайнер «Антонио Дельфино» – 2000 чел., лайнер «Ганза» – около 5000 человек. Благодаря этому с момента начала эвакуации (25 января) к 5 февраля на Запад уже было перевезено 198 458 беженцев из Восточной Пруссии и 12 646 рабочих судостроительных предприятий. С учетом таких цифр заявление, что эвакуировались только нацистские бонзы и эсэсовцы, выглядит смехотворным. Кроме того, сторонники «элитарной» версии пассажиров «Густлофа» не смогли назвать ни одного имени хоть сколько-нибудь крупного партийного функционера НСДАП¹², находившегося либо погибшего на лайнере.

Отряд 2-й учебной дивизии, должен был начать переход с якорной стоянки у м. Хель во второй половине 30 января. В соответствии с планом он должен был включать «Густлоф», плавказарму (быв. лайнер) «Ганза» (21 131 брт), плавбазу подлодок «Вильгельм Бауэр», подлодку «U 103», старый миноносец «Т 151», трофейный норвежский миноносец «Лево» (оба использовались в качестве торпедоловов) и торпедолов «TF 1». Однако случилось непредвиденное: уже после начала движения в районе м. Хель на «Ганзе» произошла поломка механизмов, требовавшая нескольких часов на её устранение. Пока разбирались, что делать дальше, «Густлоф» принял с других судов ещё 89 раненых и от 500 до 600 беженцев. В этих условиях немецкое командование приняло решение разделить отряд и незамедлительно отправить на Запад «Густлоф» в сопровождении «Лево» и «TF 1». На последнем вскоре обнаружилась течь, заставившая вернуться в базу. Именно вследствие спешки и нехватки эскортных кораблей получилось, что второй по величине лайнер Германии, на борту которого находилось не менее 5,5 тыс. человек, сопровождал всего один корабль охранения, не только не имевший исправной гидро-

¹¹ Бычков, В. Подвиг советских подводников в Великой Отечественной войне // Морской сборник. – 2020. – № 5. – С. 66.

¹² NSDAP (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) – Национал-социалистическая рабочая партия Германии. – Прим. ред.

акустической станции (она была повреждена незадолго до похода при ударе о льдину), но и команда которого никогда не участвовала в боевых действиях.

В 21.10 30 января сигнальщики С-13, производившей зарядку аккумуляторной батареи в восточной части своей позиции, заметили огни приближающихся судов. Вечером того дня по немецкому глубоководному фарватеру № 58, соединявшему Данцигскую бухту и Свиномюнде в обход с севера банки Штольпе и удачно перехваченному Маринеско, двигалось семь конвоев и отрядов боевых кораблей.

Следовали с востока на запад в порядке выхода из Данцигской бухты:

1. Вышеупомянутый отряд 18-й учебной флотилии подлодок. Около 20.00 по берлинскому времени¹³ конвой пересек 17-й градус восточной долготы, т. е. шел впереди отряда «Густлофа» с опережением примерно на 5–6 часов и миновал позицию С-13 ещё днем.

2. Транспортный конвой – пароходы «Эспана», «Лис», «Эмштрот», «Фридрих», «Тезеус», сторожевые корабли «V 1809», «V 1813». Вышел из Данцигской бухты около 15–16 часов, но из-за скорости в 8 узлов был обогнан «Густлофом».

3. Отряд боевых кораблей в составе: тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» (1227 беженцев, 150 раненых, 152 рабочих судоверфи), миноносец «Т 36» (250–300 беженцев) – вышли с рейда Хель около 17.30. В 21.30, т. е. примерно спустя 20 минут после торпедирования, заметили ракеты с тонущего «Густлофа», т. е. находились на небольшой дистанции и догоняли отряд «Густлофа».

4. Конвой парохода «Готенланд» (5312 брт; 3500 беженцев), тральщик «М 341» (291 беженец), учебный торпедный корабль «TS 2» (302 беженца) в 14.30 вышел из Пиллау.

5. Конвой парохода «Геттинген» (6267 брт; по документам 2500 раненых и 1500 беженцев, по данным немецкого историка Х. Шена 2436 раненых и 1190 беженцев), учебный торпедный корабль «TS 8» (123 беженца). В 18.30 вышел с рейда Хель (в ночь на 30 января перешел туда из Пиллау).

6. Конвой лайнера «Потсдам» (17 528 брт; 7000 беженцев), куда также входило опытовое судно «Вулленвервер», плавбаза торпедных катеров «Танга» (500 беженцев), тральщики «М 603», «М 803», учебные торпедные корабли «TS 1», «TS 5». Вышел из Готенхафена около 23 часов, т. е. уже после торпедирования «Густлофа».

С запада на восток шел, как минимум, один конвой: транспорт для перевозки раненых (лайнер) «Штойбен» (14 660 брт), лайнер «Дер Дойче» (11 453 брт), госпитальное судно «Ренате», тральщики «М 30», «М 801» и сторожевой корабль «V 305». Кроме того, в море находился ещё ряд кораблей, осуществлявших одиночные переходы в Данцигскую бухту для усиления сформировавшихся там конвоев учебных соединений подлодок. В это число входили миноносец «Леопард», торпедоловы «TF 13», «TF 15», «TF 19». При такой насыщенности района потенциальными целями Маринеско было из чего выбирать. Не лишним будет заметить, что никакого дополнительного радиооповещения конвоев о присутствии советской субмарины в районе банки Штольпе не было. Эту информацию командиры конвоев и отрядов кораблей должны были получить ещё при инструктаже, поскольку в течение января немецкая радиоразведка, как минимум, четыре раза пеленговала передачи С-13 и установила район её патрулирования. То, что на «Густлофе» радиооповещение, якобы, не приняли, якобы, из-за атмосферных помех или по какой-то другой причине (иногда в качестве неё называют передачу юбилейной речи Гитлера в честь 12-летия прихода нацистов к власти) журналистская выдумка, как и то, что маршрут перехода выбирался на совещании четырех капитанов. Фактически командиром конвоя являлся командир 2-го батальона подводников корветтен-капитан В. Цан, но маршрут он не выбирал, поскольку тот был определен указанием штаба 9-й дивизии кораблей охранения, отвечавшей за движение конвоев из Данцигской бухты на запад (док. № 6.10).

¹³ Разница между московским и германским зимним временем составляла 2 часа.

Анализ сообщений немецких кораблей, перехваченных и дешифрованных англичанами в рамках операции «Ультра», показывает, что сообщения о подводной опасности в квадрате АО9452, переданные штабами 3-й охранной флотилии и 10-й дивизии охранения, ушли в эфир уже после торпедирования «Густлофа» и являлись ничем иным, как ретрансляцией сообщений «Хиппера» (док. № 6.10) другим находящимся поблизости конвоям.

Теперь обратимся к тактическому разбору «атаки века».

Сигнальщики «эски» обнаружили будущую жертву на курсовом угле 30 градусов левого борта в 21.10 и спустя пять минут идентифицировали её как лайнер, перед которым идет сторожевой корабль. В момент обнаружения лодка двигалась курсом 105 градусов, что являлось почти строгим встречным курсом относительно курса «Густлофа» при траверзном расстоянии между обоими курсами около 2 миль. Скорости хода противников, по иронии судьбы, были одинаковы и составляли 12 узлов, хотя наш вахтенный приписал «немцу» на три узла больше, что, впрочем, опровергается германскими документами. При скорости сближения, равной 24 узлам, Маринеско потребовалось 5 минут, чтобы объявить боевую тревогу. Ещё через 6 минут командир приказал поворачивать на курс сближения с целью. Нетрудно посчитать, что за это время дистанция между кораблями сократилась почти на 4,5 мили, что при сравнительно высокой скорости хода лайнера (об этом можно было бы догадаться в момент классификации цели) легко могло привести к потере контакта, и уж точно привело бы, заметь противник советскую подлодку. Условия атаки усложнялись, хотя в этом вряд ли можно винить немцев, продолжавших «переть» на запад по прямой с постоянной скоростью. Враг словно проверял готовность советских подводников к осуществлению атаки в простейших условиях. Следует заметить, что переходящая из одного отечественного издания в другое версия об «особом мастерстве» Маринеско, зашедшего в атаку со стороны берега, откуда враг не ожидал нападения из-за малой глубины, не выдерживает никакой критики. Во-первых, цель изначально была мористее С-13 и на протяжении всей атаки лодка оставалась ближе к берегу, во-вторых, фарватер № 58 проходил от берега на расстоянии 12 миль, что совершенно не исключало возможность появления подводных лодок с любых направлений. Глубина моря в месте гибели «Густлофа» достигала 61 метра, что вполне обеспечивало погружение и маневрирование средней подлодки.

Другой растиражированной легендой является то, что Маринеско проявил большое мастерство, сумев занять позицию для залпа в условиях шторма или сильного волнения. И документы С-13 (док. № 6.9) и немецких кораблей (в частности, тяжелого крейсера «Адмирал Хиппер») свидетельствуют, что волнение не превышало 4-х баллов, что вполне позволяло субмарине маневрировать в надводном положении и применять оружие. Впрочем, для трофейного миноносца «Леве» оно всё же оказалось чрезмерным. Не выдержав 12-узловой хода при сильном боковом северо-западном ветре, он начал отставать. По немецким данным, в момент торпедирования «Густлофа» миноносец находился от него на расстоянии 300–400 м, во что, однако, трудно поверить, поскольку с С-13 его не наблюдали. В вахтенном журнале подлодки «исчезновение» «сторожевого корабля» определяется как 21.25. Тремя минутами раньше Маринеско, круто изменив курс, начал сближение с противником. Хотя корабль охранения пропал из вида, в 21.27 командир «эски» отдал приказ о переходе в позиционное положение. Одновременно он начал понимать, что цель уходит за пределы критического угла атаки. Об этом свидетельствует ряд поворотов влево, фактически уже вслед проходящему мимо судну. В 21.44 ход лодки был увеличен до 12 узлов.

К 21.55, в тот момент, когда дистанция составляла уже не менее 35 кабельтовых, Маринеско окончательно убедился в том, что с выходом в атаку он опоздал – курсовой угол лайнера на подводную лодку составлял 120 градусов левого борта. Не приняв нового решения, атаковать цель было невозможно. И оно было принято – обогнать лайнер на параллельном курсе в надводном положении, занять позицию на носовых курсовых углах и выпустить торпеды. В

21.55 С-13 легла на курс 280 градусов, развила 14-узловой ход и начала длительный часовой обгон ничего не подозревающего «Густлофа».

Приводятся сведения, что в течение последнего получаса лодка развила даже 18-узловой ход (по всей вероятности, из-за сильного волнения реальная скорость была несколько меньшей, чем об этом можно было судить по числу оборотов гребных валов), чего она, по-видимому, не делала даже на сдаточных испытаниях в 1941 году. Вне всякого сомнения, поддержание подобной скорости делает честь электромеханической боевой части субмарины, однако не отнимает у атаки привкуса «полигонности».

Наконец, в 23.04 «атака века» достигла своей кульминации – лодка легла на боевой курс 15 градусов, который выводил её строго перпендикулярно левому борту лайнера. Через четыре минуты Маринеско дал команду «пли». Дистанция до цели – 4,5 кабельтовых, расчетный угол встречи – 85 градусов. Был выпущен трехторпедный залп веером из носовых аппаратов. Спустя 37 секунд первая торпеда поразила левый борт «Густлофа» в районе мостика. Вслед за этим почти сразу последовало ещё два взрыва. Фактически Маринеско стрелял залпом не для того, чтобы добиться хотя бы одного попадания, а чтобы потопить столь крупное судно наверняка. И это, как мы знаем, ему удалось.

Послезалповое маневрирование С-13 также свидетельствовало о том, что командир стремился довести уничтожение лайнера до конца. Он не стал тут же отдавать приказ о погружении или об уклонении полным ходом в надводном положении в темную южную часть горизонта, а остался пронаблюдать результаты атаки. В вахтенном журнале появились следующие строки: «23.09... Лайнер накренился и начал тонуть... 23.10 Левый борт лайнера ушел под воду...»

В эту же минуту, наконец-то, объявилось охранение – наблюдатели подлодки зафиксировали свет прожектора на горизонте по пеленгу 25 градусов. Лишь после этого Маринеско приказал срочно погрузиться. Прошло ещё 16 минут, прежде чем акустик зафиксировал работу вражеского гидролокатора по пеленгу 240 градусов. Судя по данным противной стороны, в этом направлении мог быть только «Лёве», которому, опять же, если верить немцам, за пару дней до эскортирования злополучного «Густлофа» срезало антенну ГАС при ударе о льдину. Очевидно, поэтому миноносец даже не пытался сбрасывать глубинных бомб. В 20-минутном интервале с 23.26 до 23.45 присутствие противника на лодке никак не ощущалось. С-13 продолжала медленно двигаться под водой курсом 80 градусов, удалившись не более чем на 2 мили от гибнущего судна. Между тем, если бы Маринеско мог знать настоящее положение дел, он был бы, по меньшей мере, взволнован – с северо-востока максимальным ходом по прямой к месту катастрофы спешил тяжелый крейсер «Хиппер» и миноносец «Т 36» (именно его прожектор и видели сигнальщики С-13 на горизонте). В 23.45 шум винтов миноносца был зафиксирован на лодке, после чего она легла на курс 0 градусов. Тем временем с «Т 36» заметили темную громаду «Густлофа» и корабль устремился прямо к ней. Тяжелый крейсер шел следом. В 00.00 он достиг места катастрофы, но почти сразу же миноносец установил гидроакустический контакт с подводной лодкой. Хотя дистанция до обнаруженного объекта составляла 18–22 кабельтовых, и он не выказывал агрессивных намерений, командир «Хиппера», уже было отдавший приказ приступить к спасению утопающих, принял решение срочно возобновить движение на запад, оставив для оказания помощи только свой эскорт.

Покидая место спасательных работ, матросы «Хиппера» могли наблюдать, как в 00.10 сильно погрузившийся в воду лайнер лег на левый борт и затонул. Оба миноносца продолжали подбирать людей, одновременно наблюдая за поведением С-13. Хотя вахтенный журнал лодки свидетельствует, что всё это время она продолжала медленно удаляться от места атаки в общем направлении на северо-восток, в 00.47 акустик «Т 36» зафиксировал наличие второго крупного подводного объекта в северо-западном направлении, который якобы пытался сблизиться с миноносцем. Корабль был вынужден прервать прием людей и контратаковать «субмарины». При этом немцы утверждали, что они наблюдали след торпеды, от которой «Т 36» с трудом

сумел уклониться. В ответ было сброшено 12 глубинных бомб. К тому моменту миноносец уже принял на борт 564 человека (в дополнение к 250, взятым в Готенхафене), и, согласно рапорту командира, не мог использовать зенитное вооружение. Около 01.00 «Т 36» развил полный ход и взял курс на Заснитц. «Лёве» на некоторое время остался один, но вскоре к нему присоединились корабли конвоев «Готенланд» и «Геттинген», а с рассветом – высланные из Данцигской бухты корабли 9-й дивизии охранения и учебного командования подводных сил. В то же время, опасаясь подводной угрозы, командование флотилии изменило к северу маршрут движения конвоя, куда входили лайнеры «Штойбен» и «Дер Дойче» и отозвало в Готенхафен вышедшие было в море лайнер «Потсдам» и опытовое судно «Вулленвевер». Всё это время Маринеско поддерживал акустический контакт с судами, не делая при этом никаких попыток сблизиться. В 04.00 в журнале боевых действий лодки появилась запись: «Оторвались от преследования двух СКР, одного ТЩ. Во время преследования было сброшено 12 глубинных бомб. ПЛ повреждений не имеет». В 04.15 лодка всплыла и спокойно направилась в северную часть позиции, продолжая производить прерванную атакой зарядку аккумуляторных батарей.

Описание спасательной операции выходит за рамки нашей темы, а по поводу числа спасенных и погибших на судне мы высказались в примечании к соответствующему документу (док. № 6.10). Хотя большинство погибших составили мирные жители Восточной Пруссии, следует подчеркнуть, что сам лайнер «Вильгельм Густлоф» являлся вполне легитимной военной целью, поскольку был включен в списки вспомогательных судов кригсмарине, обладал вооружением, которое применил бы для самозащиты, заметь он нашу «эску» до атаки, и шел в сопровождении эскортного корабля. В конечном итоге, Маринеско уничтожал не людей, а перевозившее их судно, и, оказись немецкое командование более расторопным при организации спасательной операции, жертвы не составили бы столь значительной цифры. С законностью атаки «Густлофа» согласны и все современные немецкие историки.

Что же касается незамедлительной реакции немецкого командования на действия С-13, то она отсутствовала по элементарной причине – из-за нехватки сил. В зоне ответственности 9-й дивизии кораблей охранения, простиравшейся на восток от банки Штольпе до берегов Курляндии, имелось всего одно звено охотников за подлодками в составе двух единиц, мореходность которых позволяла использовать их вдали от берега в свежую погоду, но и его пришлось задействовать для непосредственного охранения конвоев. Противолодочная авиация была малочисленной, к тому же в её составе не имелось самолетов, оснащенных радиолокационными станциями и пригодных для поиска подлодок в ночное время. В результате немецкое военно-морское командование ограничилось лишь внесением некоторых изменений в границы и правила пользования фарватерами. Для освобождения глубоководного фарватера № 58 для крупных судов военно-морское командование Балтийского моря открыло движение по заминированному британской авиацией прибрежному фарватеру для транспортов с осадкой не более 8 метров. Фарватер № 58 был расширен на 2 мили к северу и 5 миль к югу для того, чтобы конвои могли идти по нему с применением зигзага и переменными ходами. Другим следствием атаки (впрочем, не только С-13, но и атаки Л-3 4 февраля) стал отказ от использования крейсеров для артподдержки сухопутных войск за пределами хорошо охраняемой Данцигской бухты – теперь туда посылались только эсминцы и миноносцы.

Что же касается реакции высших штабов и тем более руководства третьего рейха во главе с А. Гитлером, то она фактически отсутствовала (док. № 6.12). Не подтвердили историки ГДР¹⁴ и факт объявления трехдневного траура (док. № 8.7), а также внесения Маринеско в якобы существовавшую книгу личных врагов фюрера. Это объяснялось тем, что потеря лайнера, пусть даже крупного, не «потрясла гитлеровский рейх до основания», поскольку он и так в тот момент трещал по швам. Гибель большого числа беженцев была прискорбна, но не

¹⁴ Германская демократическая республика. – Прим. ред.

более того. Позже Гитлер сформулировал своё отношение к потерям людей при гибели судов следующей фразой:

«Лучше потерять 10 % беженцев на пути в Германию, чем 90 % на пути в Сибирь!»

Вопрос же о гибели подводников при разборе катастрофы на самом верху, как видно из немецких документов, и вовсе не проводился. И это неудивительно. Из 390 погибших курсантов 2-й учебной дивизии подплава нельзя было сформировать ни одного экипажа подводной лодки, поскольку все они нуждались в, по меньшей мере, полугодовом курсе индивидуального обучения своей воинской специальности. За ним должен был последовать курс боевой подготовки в составе экипажа вступившей в строй подводной лодки, занимавший ещё от 5 до 7 месяцев. С учетом перспектив третьего рейха, всё это выглядело весьма сомнительно. Из 16 погибших офицеров мало кто был пригоден для службы в подводном флоте даже потенциально. В их число входили 8 фенрихов¹⁵ медицинской службы, три лейтенанта (в т. ч. два морской службы), три обер-лейтенанта (также два морской службы) и два капитан-лейтенанта морской артиллерии. Таким образом, часто звучащие заявления о гибели 70 экипажей подлодок, способных, якобы, переломить ход битвы за Атлантику и поставить Великобританию на колени, свидетельствуют о полном незнании утверждающих это людей самого важного: кто плыл на «Густлофе». Возможно, это имело определенное значение в контексте развернувшегося в конце войны массового использования личного состава кригсмарине в войне на Восточном фронте. Однако при оценке этого значения следует иметь в виду, что по состоянию на 12 апреля только в составе частей и подразделений немецких ВМС, выделенных для борьбы на суше, насчитывалось 163 тыс. безоружных моряков. Общее же количество личного состава ВМС, не имевшего личного стрелкового оружия, составляло 630 тыс. человек. Подводники, спасенные с «Густлофа», практически наверняка входили в их число.

Впрочем, с потоплением «Густлофа» поход С-13 не окончился. Подлодка продолжила действия на позиции, а немецкое командование никак не могло этому помешать. Впрочем, и подлодка в течение более чем декады не создавала для противника особых проблем, хотя интенсивность движения по его морским коммуникациям не снижалась.

Днем 31 января из Данцигской бухты вышла оставшаяся часть отряда 2-й учебной дивизии – лайнер «Ганза», плавбаза «Вильгельм Бауэр», «U 103», «Т 151», «TF 16». На кораблях и судах конвоя перевозилось 5300 беженцев, которые без потерь достигли пункта назначения. Утром 1 февраля за ним последовал отряд 24-й флотилии подлодок: плавучая казарма (лайнер) «Оранжфонтейн» (10 547 брт), подлодки «U 747», «U 1007», «U 1192», торпедоловы «TF 13», «TF 15»; вечером – отряд 23-й флотилии (плавказармы «Гамбург» (22 117 брт), «Дойчланд» (21 046 брт), корабли-цели «Кристиан Сендинг», «Ангельбург», сторожевой корабль «F 2», старый миноносец «Т 139», торпедоловы «TFA 7», «TF 3», «TF 19»). Ни один из этих отрядов «эской» обнаружен не был и атакам, соответственно, не подвергался. С убытием 2 февраля плавбазы подлодок «Донау» (шла без охранения по прибрежному фарватеру, который С-13 не просматривался из-за опасности подорваться на британских донных минах) перевод соединений подводных сил по плану операции «Ганнибал» был завершен, но на смену ему пришлось движение эвакуационных конвоев Пиллау – Свинемюнде.

Тем временем, С-13 утром 1 февраля разминулась с грузовым конвоем, шедшим на запад (на момент обнаружения находился вне предельного курсового угла цели, необходимого для атаки). В ночь на 3 февраля «эска» имела контакт с конвоем и отрядом боевых кораблей, оба из которых запросили опознавательные, после чего Маринеско отказался от атаки. Конвой об этом случае не доложил, а вот ОБК сделал сообщение. Как оказалось, в его состав входил легкий крейсер «Эмден», перевозивший гроб фельдмаршала Гинденбурга из Пиллау в Киль. Его охранение составляли учебные торпедные корабли (модифицированные тральщики) «TS 6»,

¹⁵ Фенрих – самый низкий офицерский чин в германской армии.

«TS 9» и миноносец «Т 11». Последний и заметил тень на горизонте, которая не стала отвечать на опознавательный сигнал. С учетом последующей ошибки с идентификацией «Штойбена» факт примечательный. Интересно отметить, что хотя описания обоих контактов были и в вахтенном журнале, и журнале боевых действий С-13, в своё донесение о походе Маринеско их не включил, очевидно, как не заслуживающие внимания.

Вечером того же дня «эска» была обнаружена вражеской радиоразведкой. Для поиска в квадрат обнаружения были отправлены охотник за подводными лодками «Uj 1208» и старый миноносец «Т 153». На возражения командира последнего, что он не имеет гидроакустической станции, располагает всего шестью глубинными бомбами и перевозит 50 солдат сухопутных войск, для продолжительного питания которых нет продуктов, командование не отреагировало. Звено патрулировало квадрат до 4 часов утра 4 февраля, сделав 20 галсов и сбросив серию глубинных бомб по контакту, который был признан ложным, после чего ушло в порт.

Днем 5 февраля у Маринеско сорвалась атака на конвой в подводном положении. По-видимому, суда шли с использованием зигзага, поскольку намеченное в качестве цели незадолго до выстрела внезапно повернуло на субмарину, что полностью исключало возможность атаки.

Утром 6 февраля сигнальщики «эски» обнаружил субмарину без хода. По инструкции Маринеско запрещалось атаковать другие подлодки, за исключением случаев, когда их принадлежность противнику была установлена точно. Точная идентификация в ночное время была невозможна и Маринеско решил произвести маневр уклонения. Из донесения не ясно, что заставило совершать циркуляцию вместо срочного погружения, но в процессе выполнения маневра подлодки сблизилась на 2 каб. (по немецким данным даже на 100 м). Немцы с проходившей боевую подготовку «U 1303» запросили опознавательный и, не получив ответа, открыли огонь из 20-миллиметрового автомата. Они хорошо видели С-13 и даже подробно описали её (пушка на баке, высокая рубка с тумбой, сетепрорезатель), но поразить не смогли. Утром 7 февраля С-13 была замечена с другой учебной субмарины – «U 2345», но «немка» уклонилась, осуществив погружение настолько быстро, что с нашей подлодки её не заметили.

Вторичное появление нахальной русской подлодки в районе боевой подготовки совершенно не устраивало учебное командование подводных сил, и после длительной тяжбы с командованием 9-й дивизии кораблей охранения, крайне отрицательно смотревшей на выделение кораблей для противолодочных поисков, в район утром 8 февраля были направлены охотники «Uj 1207», «Uj 1222», трофейные миноносцы (торпедоловы) «Леве», «Леопард» и «Тигер». Поиск продолжался до 5 часов утра 9 февраля, но завершился с предсказуемым нулевым результатом. Это была вторая и последняя попытка противника если не уничтожить С-13, то хотя бы попытаться вытиснить её за пределы немецких полигонов и фарватеров. Но потенциал немецкой ПЛО, не блиставшей и ранее, к началу 1945 года сократился настолько, что подобные поиски приводили лишь к трате дефицитного топлива.

Наконец, поздно вечером 9 февраля был обнаружен конвой, включавший крупную единицу, которую Маринеско определил как крейсер типа «Эмден». В этом случае (док. № 6.12) боевое маневрирование осуществлялось в куда более сложных по сравнению с 30 января условиях. Корабль шел с большой скоростью (около 16 узлов), переменными курсами, в условиях плохой видимости и с погашенными, за исключением гакобортных, огнями. Его эскорт составляли старый миноносец «Т 196» и учебный торпедный корабль «TS 1» (модифицированный тральщик проекта М-40).

Два часа Маринеско маневрировал, зная о присутствии врага только благодаря данным гидроакустической станции. Преследовать лайнер пришлось на скоростях от 12 до 18 узлов, периодически переходя на электромоторы для использования шумопеленгатора. После того, как курс и скорость цели были приблизительно определены, командир «эски» предпринял попытку атаковать её со стороны берега, но в процессе совершения маневра небо очистилось

от облаков, и теперь наученному горьким опытом первых неудач Маринеско пришлось уходить в темную часть горизонта со стороны моря. На эти перемещения ушел ещё час и 40 минут. Лишь последние 40 минут, в течение которых осуществлялся выход на носовые курсовые углы судна, командир наблюдал его визуально, уточняя элементы движения цели, осуществлял расчет данных для торпедной атаки. По продолжительности преследования и проявленной командиром настойчивости данный эпизод не имел аналогов в нашем подводном флоте за все время Великой Отечественной войны. Атака была осуществлена настолько скрытно, что командир немецкого конвоя предположил, что охраняемое судно – а им оказался транспорт для перевозки раненых «Штойбен» – подорвалось на mine, и лишь позднее в береговом штабе пришли к выводу, что истинной причиной стала торпеда подводной лодки. Из-за сильного охранения залп был произведен с дистанции 12 кабельтовых из кормовых аппаратов, где имелось лишь две торпеды. Попала одна из них, но и её оказалось достаточно, чтобы переборки старого лайнера не выдержали. Уже через 5 минут судно имело большой крен, а спустя полтора часа – затонуло.

И в этом случае потери пассажиров судна (комментарий к док. № 6.15) составили весьма внушительную цифру, но никаких претензий к Маринеско за выбор его в качестве цели не могло быть. Хотя «Штойбен» значился транспортом для перевозки раненых, статус охраняемого Женевской конвенцией госпитального судна на него не распространялся, поскольку лайнер шел в эскорте боевых кораблей, был камуфлирован и нес целую батарею малокалиберных зенитных орудий и пулеметов калибром 37, 20 и 15 миллиметров. Ранее он ими неоднократно пользовался, в частности 10 октября 1944 года, когда в аванпорту Либавы подвергся атаке нашей авиации. Вместе с тем факт наличия подобного вооружения не дает оснований называть его «вспомогательным крейсером», как это делали и делают некоторые отечественные писатели и журналисты. Таким же вымыслом является утверждение, что в момент торпедирования он перевозил воинскую часть, а не почти три тысячи раненых.

Не лишним будет заметить, что потеря «Штойбена» была для немцев гораздо болезненней, чем потеря «Густлофа».

Из-за катастрофической нехватки тяжелого дизельного топлива «Густлоф» в дальнейшем планировалось использовать в качестве плавучей казармы, поставив на прикол в Киле. Не потопи его Маринеско, он, скорее всего, разделит бы судьбу однотипного «Роберта Лея», потопленного 9 марта 1945 года союзной авиацией в Гамбурге. «Штойбен» по состоянию на конец января был одним из двух лайнеров, использовавшихся для быстрой транспортировки раненых из Данцигской бухты на Запад. В начале февраля немцы один за другим потеряли оба этих судна: сначала «Берлин» (подорвался на британской mine 31 января, на следующий день затонул на мелководье, после войны поднят и введен в строй как «Адмирал Нахимов», погиб в катастрофе у Новороссийска в 1986 г.), а затем и «Штойбен». В общем, как это ни парадоксально, ценность для противника «Штойбена» и «Густлофа» оказалась обратно пропорциональной их размерам.

В качестве причин нового успеха С-13 германское командование определило недостаточное использование командиром конвоя возможности уклонения к северу в границах расширенного фарватера № 58 (фактически конвой шел по тому же маршруту, что и «Густлоф»), а также недостаточность охранения. Уже вечером 10 февраля штаб 9-й дивизии кораблей охранения издал инструкцию по проводке крупных судов, согласно которой требовалось придавать им не менее четырех эскортных кораблей, причём, не менее двух из них должны были иметь работающие гидролокаторы, один – радиолокационную станцию и один – быстроходный подсекающий трал. Также предусматривались меры по снижению эффективности радиоразведки – переход на волны УКВ-диапазона (ранее использовались ДВ и КВ), а также введение кодовых названий для крупных судов.

В ночь на 13 февраля в связи с израсходованием запасов топлива С-13 начала возвращение в базу, куда прибыла спустя двое суток. В общей сложности за время похода «эска» имела 12 встреч с достойных торпед целями. Две из них, как известно, были успешно отправлены на дно. При этом было израсходовано всего пять из 12 находившихся на борту торпед. В двух случаях (атаки из подводного положения) лодка оказывалась вне предельного курсового угла атаки из-за плохого наблюдения вахтенного офицера (так считал комдив Орёл; в обоих случаях вахтенным был командир БЧ-2-3 капитан-лейтенант Василенко). В одном случае (атаки из подводного положения) цель упущена из-за плохой видимости, в одном случае (также из-под воды) – не смогли атаковать из-за внезапного поворота транспорта на подлодку и вынужденного погружения. В остальных шести случаях ночных надводных атак немцы обнаруживали С-13 до того, как она успевала сблизиться на дистанцию атаки, и запрашивали опознавательные, причём в двух из них, не получив ответа, открывали огонь.

100-процентная успешность атак Маринеско в данном походе заслоняет другой факт: командиру удалось атаковать лишь две цели из 12 обнаруженных. При этом за время патрулирования С-13 через её позицию прошли десятки конвоев и отрядов боевых кораблей, в состав которых входило более 200 выпелов. Достаточно сказать, что только в отрядах подводных сил, переводившихся на Запад в рамках операции «Ганнибал», числилось 47 боевых и вспомогательных кораблей и, по меньшей мере, 96 подводных лодок. Контакты с С-13 имели только два из 16 отрядов подводных сил, был потоплен один из 10 входивших в их состав лайнеров тоннажем более 10 000 брт. Такой результат сложно признать выдающимся. Впрочем, большую часть ответственности за столь малый процент обнаружений и атак нужно относить не к вине Александра Ивановича, как и других командиров советских подлодок, а к их общей беде. Ведь большинство встреч происходило в ночное время, к чему командиры не были подготовлены ни тактически, ни технически. Напомним, что, вместо ставших к концу войны незаменимыми на всех мировых флотах радаров, им приходилось использовать гидроакустические станции, двигаясь при этом малым ходом или под электромоторами.

Возвращаясь к основной теме нашего повествования, можно уверенно сказать – в этом походе Маринеско необычайно повезло. Это везение заключалось в следующих моментах:

1. Удачная позиция С-13, куда штаб БПЛ направил Маринеско, и которая перехватывала пути из Данцигской бухты на Запад. Только по этой коммуникации перемещались конвои, включавшие лайнеры с весьма символическим охранением. Только в составе 15 отрядов учебного командования подводных сил между 26 января и 2 февраля через позицию подлодки прошло 10 судов тоннажем более 10 тысяч брт. Если учесть лайнеры, использовавшиеся для вывоза раненых и беженцев из Пиллау, то это число можно смело увеличить в два раза. Если бы «эску» отправили на позицию к Либаве, куда ходило большинство подлодок КБФ, боевых успехов, по крайней мере, такого масштаба, Маринеско добиться бы не смог.

Выполнение главной задачи БПЛ – блокирование Курляндской группировки – в январе 1945 года осуществлялось не слишком успешно. Отчасти это объяснялось тем, что именно на этой трассе, в связи с вывозом восьми дивизий, использовались главные силы 9-й дивизии кораблей охранения. Статистика такова: из Данцигской бухты в порты Курляндии прошло 79 конвоев, из которых только четыре были атакованы нашими подлодками – все безуспешно. 80-й конвой имел бой с «эской» С-4 – подлодка потоплена, конвой, хотя потерь и не понес, был вынужден вернуться из-за повреждения таранившего корабля охранения. Из портов Курляндии в Данцигскую бухту прошло 67 конвоев. Имели место две безрезультатных атаки наших лодок. Из Либавы в Виндаву прошло 17 конвоев, в обратном направлении – 23 конвоя. И те и другие по разу были атакованы лодками и тоже без успеха. Правда, на минной постановке Л-3 подорвался и затонул транспорт «Генри Лютгенс».

2. Очень удачное время похода С-13. Если бы он состоялся бы двумя неделями раньше или позже, то вряд ли можно было рассчитывать на такой успех, поскольку только в конце

января осуществлялась операция «Ганнибал»: вывод ремонтирующихся кораблей и массовая эвакуация первых волн беженцев из Восточной Пруссии. В ночь атаки в море на удалении нескольких часов хода от С-13 в пределах одного узкого фарватера находились тяжелый крейсер и четыре лайнера тоннажем более 10 000 брт каждый! Вряд ли какой-то другой командир нашего подводного флота попадал в такую «овчарню».

3. Наличие в море большого числа немецких субмарин значительно облегчало действия С-13, поскольку не давало возможности вражеским кораблям применять оружие сразу же после обнаружения лодки. На это же обратил внимание комдив Орёл (док. № 6.4), писавший, что корабли противника *«действуют против наших ПЛ нерешительно, демаскируют себя запросами, в атаках медлят, что в большинстве случаев и позволяет нашей ПЛ отрываться в надводном положении»*.

4. Из-за поломки руля на лайнере «Ганза» конвой 2-й учебной дивизии ПЛ сильно сократился в составе, что значительно упростило условия атаки, так как многочисленный конвой, сопровождаемый несколькими кораблями охранения, атаковать всегда сложнее и опаснее.

5. «Густлоф» в момент атаки шел практически без охранения – «ТФ 1» из-за течи вернулся в порт, а «Лёве» отстал настолько, что с С-13 на всём протяжении преследования и атаки его даже не видели.

6. Маринеско командовал единственной на КБФ на тот момент подлодкой типа «С», которая имела возможность идти в надводном положении со скоростью до 19,5 узлов. Будь Александр Иванович командиром одной из более многочисленных в составе КБФ «щук», его лодка развивала бы от 11 до 14 узлов и не имела бы возможности преследовать быстроходные немецкие лайнеры. Таким образом, обе произведенные им успешные атаки были бы невозможны при любом уровне мастерства и настойчивости.

Конечно же, никакое везение не помогло, если бы свой вклад в успех не внесли экипаж «эски» и сам Маринеско. Не в пример предыдущему и последующему походам командир С-13 действовал очень активно и сильно рисковал собой и командой – ведь не мог он заранее знать о немецких ограничениях на применение оружия в отношении подлодок и о беззубости немецкой ПЛО. Несомненно, что добиться своего выдающегося успеха Александру Ивановичу поспособствовала очень сильная мотивация – знание, что его дело будет рассматриваться военным трибуналом с учетом результатов похода.

Реальность обошла самые смелые надежды командира С-13 – после возвращения из похода речь о трибунале даже не заходила. Впрочем, он и не требовался – в январе кривая нарушений на бригаде, наконец-то, пошла вниз. После 39 самовольных отлучек в декабре, в январе их стало 18, в феврале и марте по восемь, в апреле – шесть. Новый скачок – 21 за месяц – пришелся на май, но это уже совсем другая история, и мы к ней ещё вернемся. Что касается персонально Маринеско, то достигнутый им успех покрыл все старые счета. Уже 19–20 февраля, то есть спустя четверо суток после прибытия подлодки в Турку, благодаря публикациям в финской прессе штабу бригады стало ясно, что Маринеско вернулся из похода с нетривиальными достижениями. В годы Великой Отечественной войны крайне редко удавалось установить название потопленных нашими силами судов и, тем более, перевозимый ими груз. Как правило, этим занимались послевоенные историки, причем, работа по установлению истинных результатов боевой деятельности нашего подводного флота растянулась на многие годы и в основном завершилась лишь к концу первого десятилетия XXI века. Но не в случае с Маринеско. Хотя «личность» второго уничтоженного корабля окончательно была установлена лишь спустя примерно 10 лет после атаки, потопление «Густлофа» было сразу же занесено на его счет. Но ещё значимей, чем потопление двух судов, казалась гибель 3700 вражеских подводников. Откуда взяли эту цифру шведские и финские журналисты – тема для отдельного расследования, у нашего же командования она не вызвала ни малейшего сомнения, как не вызвала и любая заметка в средствах массовой информации Советского Союза. Успех казался уникаль-

ным, из ряда вон выходящим, и потому нет ничего удивительного в том, что непосредственный начальник Маринеско капитан 1 ранга А. Е. Орёл подготовил представление на присвоение своему подчиненному высшей награды СССР – звания Герой Советского Союза. Впрочем, этот факт не помешал некоторым публицистам назначить Александра Евстафьевича Орла на должность «злого гения», гонителя народного героя. А ведь на самом деле с его стороны это был поступок, тем более, если он предварительно проговаривал этот вопрос с командованием бригады и знал его отношение к награждению. Впрочем, поскольку штаб бригады и штаб 1-го дивизиона находились в разных пунктах Финляндии, вполне возможно, что никакого предварительного обсуждения и не было, и Орёл просто поступил так, как ему подсказывал воинский долг командира.

Рассмотрим этот весьма примечательный документ (док. № 6.18). За что именно Маринеско, по мнению А. Е. Орла, должен был получить высшую награду Родины?

1. За отличное выполнение боевых заданий командования – А. И. Маринеско в должности командира подводной лодки воевал с первого дня войны, в 1942 году награждался орденом Ленина, а в 1944 году – орденом Красного Знамени.

2. За мужество и отвагу, проявленные при уничтожении трех транспортов и крейсера типа «Эмден».

3. За уничтожение 3700 специалистов подводников, чем, по мнению А. Е. Орла, был *«нанесен непоправимый удар по подводному флоту фашистской Германии, так как при потоплении погибло такое количество подводников, которого было бы достаточно для укомплектования 70 подводных лодок среднего тоннажа»*.

Примечательно, что в представлении отсутствовали такие обязательные для того времени моменты, как преданность делу Ленина – Сталина и дисциплинированность – комдив не стал кривить душой. По этой или по какой-то иной причине решение, принятое непосредственным начальником Орла, временно исполнявшим обязанности комбрига (комбриг в этот момент находился в боевом походе на борту Щ-309), капитаном 1 ранга Л. А. Курниковым, предусматривало награждение, но не Золотой Звездой Героя, а всего лишь орденом Красного Знамени. Награждался орденами либо медалями и весь личный состав С-13 (приложение № 4), но степень наград также понижалась. В частности, офицеры подлодки представлялись к орденам Ленина, а врио комбрига утвердил им Красного Знамени. Эти решения некоторые горе-публицисты приписывают командующему Балтфлотом В. Ф. Трибуцу, чем демонстрируют то, что никогда в глаза не видели представлений и стоявших там подписей. Зачем же заниматься сочинительством? Подпись В. Ф. Трибуца стояла под составленным в марте того же года представлением на присвоение С-13 звания краснознаменной (док. № 6.17). Представление на Героя на Маринеско и представление к награде подлодки содержат немало текстовых повторов, так почему же исполняющий обязанности командира бригады решил высоко наградить корабль, но понизить ранг награды для его командира?

К сожалению, ход рассуждений Л. А. Курникова мы восстановить не можем, а в документах мотивы данного решения не объясняются. По всей вероятности, Лев Андреевич принял попытку донести свою точку зрения в мемуарах, рукопись которых в 1991 году – т. е. на следующий год после награждения Маринеско званием Героя, – была сдана в «Воениздат». Издательство мемуары не напечатало, но с рукописью поработало на славу – семь страниц, посвященных подвигу С-13 и судьбе Маринеско, были заменены двумя страницами общих слов от редактора, так что, выйдя в свет в 2012 году, через 15 лет после смерти автора, мемуары Л. А. Курникова не привнесли в исследование нашей темы ничего нового. Не исключено, что сыграли роль два обстоятельства.

Во-первых, как следует из документов, в начале своей командирской карьеры сам Курников совершал неоднократные проступки, связанные с пристрастием к «зеленому змею». В Российском государственном архиве ВМФ хранится интересный документ под названием

«Протокол заседания Комиссии ТОФ, созданной на основании приказа НКО СССР № 0163 от 10.12.1937 г.». На заседании присутствовали командующий флотом Н. Г. Кузнецов, член ВС ТОФ Волков, НШ ТОФ Попов, комбриг 6-й морской бригады М. П. Скриганов, его военком и др. Слушалось дело командира подлодки Л-8 Курникова Л. А. Его обвиняли в том, что он *«систематически пьянствует с дебошем, неоднократно в пьяном виде задерживался и направлялся в комендатуру. В 1933 г. был за систематическое пьянство исключён из ВКП(б)»*. Кроме того, были претензии по части сокрытия фактов о родственниках, подвергавшихся судебным преследованиям в эти годы. Постановили: Курникова Л. А. в армии оставить, сделать последнее предупреждение. По-видимому, Лев Андреевич этому предупреждению внял, поскольку уже 10 февраля 1938 г. ему было присвоено звание капитан 2 ранга, а еще через два месяца его назначили командиром дивизиона ПЛ. Однако в партию он был повторно принят только в 1950 году. Не исключено, что Л. А. Курников, сумевший переломить пагубную привычку и дослужиться до больших должностей, без уважения относился к тем, кто не смог или не захотел этого сделать.

Во-вторых, не исключено, что между Курниковым и Маринеско существовал ещё и конфликт личного свойства. В своих послевоенных анкетах Маринеско не раз указывал, что в 1945 году получил партийное взыскание за «оскорбление начальника штаба бригады». Хотя в реальности такого партвзыскания у Александра Ивановича никогда не было и свои выговоры он получил за совершенно другие вещи, нельзя исключить тот факт, что такое оскорбление, возможно действием, и вправду имело место (в целом, Маринеско не было свойственно открыто выступать против лиц руководящего состава и партийной организации своего соединения).

В то же время ряд документов (в частности док. № 6.28, 8.2) содержат ссылку на то, что представление Маринеско к званию Героя Советского Союза в феврале 1945 года было не отклонено, как утверждалось ранее всеми историками и писателями, а всего лишь отложено для рассмотрения – до возвращения из следующего похода. Логика подобного решения понять несложно – в январе ты «геройствовал», чтобы избежать суда, а теперь тебе предоставляется возможность совершить подвиг не за страх, а за совесть. Вернись из очередного патрулирования с подобным результатом и будешь заслуженным героем!

Не ясно, как именно Маринеско отреагировал на подобный вердикт, тем более что в его исповедях, добросовестно записанных А. А. Кроном, ни о каких нюансах в вопросе о награждении не говорилось – отклонили и точка. Писатель и его герой сконцентрировали своё внимание на реакции на это решение¹⁶, но она, по всей видимости, относилась к уже следующему этапу, начавшемуся в конце мая 1945 года и продолжавшемуся вплоть до момента окончания службы Александра Ивановича на флоте. Фактом остается то, что между февралем и апрелем командир С-13 не допускал серьезных дисциплинарных проступков, что с учетом его характера и наклонностей было делом довольно непростым.

Отвлечением от дурных привычек мог стать автомобиль марки «форд», якобы купленный Маринеско в Финляндии. Об этом приобретении сам герой рассказывал А. А. Крону, но некоторые обстоятельства этого рассказа заставляют усомниться в том, что это реально имело место. Во-первых, тому нет никаких документальных свидетельств, а поверить в то, что машина не «засветилась» бы ни в одном эпизоде «отдыха» Александра Ивановича на берегу в период всей его последующей службы довольно сложно. Во-вторых, и это главное, непонятно,

¹⁶ «Легче всего предположить, что Александр Иванович обиделся за недооценку своих заслуг, а, обидевшись, пустился во все тяжкие, стал выпивать, грубить и нарушать дисциплину. Понимать его так – значит очень упрощать этот сложный характер. Конечно, он был обижен, но не за то, что “мало дали”, а за то, что припомнили старое. “И команде скостили, а она-то при чём?” – говорил он мне. Вины он с себя никогда не снимал, хотя и считал, что январский поход – достаточное искупление всех его прошлых провинностей. Он знал случаи, когда высшие награды получали настоящие штрафники, осужденные за тяжкие преступления, и недоумевал. Концы с концами не сходились, и ответа на свои недоуменные вопросы он ни у кого получить не смог». // Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 135.

кто и когда научил Маринеско управлять машиной. В то время автомобили, тем более личные, были в СССР большой редкостью. Учиться их водить в Финляндии было негде и некогда, да и с законными способами добыть горючее были бы проблемы. В-третьих, зачем он потребовался командиру корабля, тоже не совсем понятно. Разве что для проведения пикников на природе, но это вновь были бы самовольные отлучки с «употреблением», а этого в рассматриваемый период за Маринеско не числилось. Нужно быть очень бесшабашным, чтобы вкладывать немалые деньги в покупку, практическая надобность в которой весьма сомнительна.

Поэтому в качестве реального стимула для воздержания нам более вероятным, чем автомобиль, представляется отложенная награда. Всё должно было решиться по возвращению из следующего похода. Оно и решилось, но, увы, не в пользу нашего героя.

За поход, совершенный С-13 между 20 апреля и 23 мая 1945 года, Маринеско получил оценку «неудовлетворительно». Если верить документам, причиной этого стало не то, что он разочаровал начальников, не добившись новых побед (гипотеза А. А. Крона, подхваченная всеми последующими апологетами Маринеско), а то, как действовал бывалый командир-подводник в конкретных боевых ситуациях. Само по себе отсутствие побед никогда, никем и ничем не каралось. Если при разборе похода выяснялось, что командир осуществлял поиск правильно, при встречах с противником использовал любую возможность для атаки, но не мог реализовать её по независящим причинам, то на удовлетворительную оценку своих действий он всегда мог рассчитывать. А что же произошло в этом случае?

Мы не станем пересказывать содержание критических замечаний – все они изложены в заключении комдива А. Е. Орла (док. № 6.25). Собственное впечатление об их справедливости может составить каждый, кто возьмет на себя труд посвятить 10 минут попыткам вычертить маневрирование С-13 в конкретных боевых эпизодах. И куда девалась та предприимчивость и напористость, с которыми Маринеско преследовал «Густлоф» и «Штойбен»? Их не наблюдалось, и в результате из семи описанных в донесении командира случаев встреч с достойными торпед целями одна возможность была упущена по техническим причинам, а остальные шесть – из-за неправильного маневрирования самого «подводника № 1».

Справедливости ради нужно отметить, что до первых чисел мая обстановка в Центральной Балтике по сравнению с концом января – началом февраля стала несколько сложнее. С одной стороны, в результате мощных ударов наших сил, в первую очередь, морской авиации, судоходство противника серьезно сократилось в объеме. Этому же способствовал поразивший Германию и её вооруженные силы топливный кризис. С другой, после предыдущих успехов наших подлодок, в особенности двух впечатляющих побед самой же С-13, неприятель предпринял ряд шагов, направленных на усиление обороны коммуникаций. Не случайно в апрельском походе в ночное время действиям «эски» препятствовали немецкие противолодочные самолеты, оснащенные радиолокационными станциями. В то же время многочисленные ссылки на атаки немецких подлодок на С-13 не имеют под собой реальной почвы – с марта 1945 года немцы прекратили боевые действия своих субмарин на театре, да и ранее они никогда не направляли их в боевые походы в южную часть Балтики. Но даже если бы всё это существовало в действительности, оно никак не могло объяснить пассивности в поведении самого командира нашей подлодки. Что же могло стать её причиной? В своей «исповеди» А. А. Крону Маринеско ушел от ответов на вопросы, связанные с последним походом. После этого писатель самостоятельно домыслил сюжет о самодуре-обеспечивающем – начальнике отдела подводного плавания штаба КБФ контр-адмирале А. М. Стеценко, который на протяжении всего плавания вмешивался в командование кораблем, что помешало командиру С-13 добиться новых побед¹⁷.

¹⁷ «Почему в этом последнем походе “С-13” ни разу не вышла в атаку? Об этом пусть судят специалисты. Сам Александр Иванович от ответа на этот вопрос уклонялся. Нетрудно понять, почему. Как сложились отношения между ним и ныне покойным контр-адмиралом, мы не знаем и никогда не узнаем, все споры, а они несомненно были, происходили с глаза на глаз в командирском отсеке, при задраенных переборках, и до экипажа доносились только слабые отзвуки. Пересказывать эти споры,

Никакими свидетельствами эта гипотеза не подтверждалась, напротив, из общения с одним из ветеранов бригады были почерпнуты сведения прямо противоположного характера: Стеценко и Маринеско являлись хорошими знакомыми, как минимум, с 1942 года, когда Андрей Митрофанович Стеценко командовал бригадой балтийских подлодок. Не стоит забывать, что именно он подписал представление на бывшего командира М-96, чтобы того наградили за единственную победу орденом Ленина. Не получал при нём Маринеско и серьезных дисциплинарных взысканий. В последнем же походе, по словам ветерана, Стеценко если и мешал Маринеско, то только предложениями «вспомнить былое» в каюте командира... Так это было или не так, сейчас утверждать никто не возьмется, но факт остается фактом – награждать после последнего похода Александра Ивановича было не за что.

По-видимому, особое раздражение командования КБФ при подведении итогов крейсерства «эски» вызвал тот факт, что подлодка не добила никаких успехов в тот момент, когда противник осуществлял массовую эвакуацию войск из Курляндии и своих прижатых к морю анклавов на берегах Данцигской бухты. С 6 по 11 мая авиаразведка КБФ регулярно докладывала о нахождении в море десятков кораблей и судов, которые следовали на Запад как в составе конвоев, так и самостоятельно, что называется, «на честном слове и на одном крыле». До вечера 8 мая С-13 находилась в районе банки Штольпе, перехватывая тем самым коммуникацию из Данцигской бухты, а в ночь на 9 мая перешла на подходы к Либаве и Виндаве, из которых вечером 8-го – утром 9-го вышло шесть конвоев (в общей сложности 139 вымпелов), вывозивших в Германию 25,7 тыс. солдат Курляндской группировки. Их переход благодаря радио- и авиаразведке также не остался тайной для командования Балтфлотом. Кроме подлодок, на подходах к портам были развернуты сторожевые и торпедные катера, которым удалось потопить, захватить или вернуть в пункты выхода около десятка плавсредств. Ссылки Маринеско на отсутствие движения в районе позиции С-13 были настолько неправдоподобными и неубедительными, что командование КБФ пошло на беспрецедентный шаг. Уже 30 мая начальник штаба флота контр-адмирал Александров довел до бригады оценку, выставленную комфлотом «эске» за поход, причём, поставлена она была ещё до того, как разбор патрулирования был осуществлен Орлом и ставшим с 12 апреля командиром БПЛ Л. А. Курниковым (док. № 6.26 и комментарий к нему). После такого командованию бригады не оставалось ничего иного, как подтвердить вывод вышестоящей инстанции. Впрочем, детальный разбор, произведенный Орлом, как мы видели выше, лишь добавил поводов для критики.

Но и это ещё не всё, что вскрылось при знакомстве с архивными документами. При детальном изучении ЖБД С-13 можно найти ряд эпизодов, на которые командование не обратило внимания или решило закрыть глаза. Так, в 03.40 9 мая сигнальщик подлодки, находившейся в надводном положении, наблюдал конвой из 18 мелких судов (тральщики, сторожевые катера, БДБ) с включенными ходовыми огнями, но командир уклонился от него изменением курса. Ещё одна встреча – на этот раз с тремя малыми кораблями, которые также несли ходовые огни, имела место в 00.42 10 мая. В донесение Маринеско эти контакты вовсе не упоминались и причины отказа от атак не указывались. Далее, в 21.14 19 мая «эска», находившаяся на позиции восточнее острова Борнхольм, легла на курс 0°, которым прошла 74,5 мили, то есть ушла за пределы позиции в направлении базы. Продолжая двигаться и дальше этим курсом, по состоянию на 23.15 20 мая субмарина находилась в точке 57°11'3 с.ш./17°44'6 в.д., то есть между шведскими островами Эланд и Готланд. И только в 00.10 21 мая на её борту была получена радиограмма из штаба бригады с приказанием следовать «домой». Иными словами

даже в доверительной беседе, Александр Иванович считал некорректным. В случае настоящего конфликта у него было предусмотренное уставом право – записать в корабельный журнал, что он снимает с себя командование. С этого момента экипаж выполнял бы только указания старшего начальника. Такой записи сделано не было, а кивать на других, вышестоящих или нижестоящих, было не в правилах Маринеско, он привык всю ответственность брать на себя». // Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 136.

Маринеско покинул позицию без приказа, что вряд ли простительно даже с учетом окончания военных действий.

23 мая С-13 ошвартовалась в Турку. С этого момента события начали развиваться со всё возрастающей скоростью и, к сожалению, не в пользу Александра Ивановича. Всё выглядело так, словно он стремился «наверстать» всё упущенное в феврале, марте и апреле. В документах занудно перечисляются его многочисленные прегрешения: самовольно отсутствовал на корабле с 22 часа 26 мая до 8 часов 27 мая, затем с 16 часов 30 мая до 11 часов 31 мая, неоднократно выпивал на борту. В тот же день А. Е. Орёл был вынужден написать рапорт (док. № 6.28), обозначивший весьма важную веху в жизни нашего героя.

Во-первых, в этом рапорте четко указывалось на то, что за самовольную отлучку в ночь с 26 на 27 мая комдив предлагал отставить Маринеско от представления к награждению. Поскольку за последний поход Александра Ивановича награждать было не за что, да и итоги его не могли быть подведены столь быстро, становится ясно, что речь велась о представлении к присвоению звания Герой Советского Союза. То, что идея наградить Маринеско была похоронена только в конце мая 1945 года, подтверждается и письмом бывшего комфлота В. Ф. Трибуца отставному наркому Н. Г. Кузнецову, написанному в июле 1967 г. (док. № 8.2). При этом Трибуц указывает в качестве причины не на поведение «подводника № 1», а именно на безуспешность его последнего похода.

В то же время будет нелишне заметить, что и для самого Маринеско не была секретом причина, по которой его представлению к высокой награде в 1945 году не был дан ход. Много позже, в декабре 1952 года, на партсобрании в Ленинградском институте переливания крови его напрямую спросили об этом. «За пьянку», – ответил Александр Иванович. Но добавил: «Звания Героя Советского Союза мне не присвоили, а дали лишь орден Ленина и выговор по партийной линии» (док. № 7.15). Такой комментарий все ставил с ног на голову. Орденом Ленина Маринеско был награжден ещё в 1942 году, и это событие не имело никакого отношения к представлению его к званию Героя Советского Союза, а выговор по партийной линии был объявлен только в августе 1945 года, речь об этом пойдет ниже.

Во-вторых, в рапорте Орла впервые в отношении Маринеско прозвучало предложение уволить в запас. Хотя на тот момент Л. А. Курников, назначенный к тому времени уже полномочным командиром бригады ПЛ, не поддержал этого предложения, оно не было забыто и о нём могли в любой момент вспомнить при возникновении очередной подобной ситуации.

Что же было поводом для многочисленных выпивок? Радость за долгожданную Победу, желание расслабиться после продолжительного напряжения военных лет или обида за несостоявшееся награждение? Возможно и то, и другое и третье, хотя логика подсказывает, что начиналось всё «за здоровье», а кончалось «за упокой». Но именно третью причину в качестве основной упоминают, по крайней мере, А. А. Крон и Н. Г. Кузнецов. Но разве это достойно настоящего командира и патриота – воевать не за долг защитника Отечества, а за награды? Не радоваться за общую Победу, а смаковать личную обиду?

Следует признать, что Александр Иванович был не единственным, кто «расслаблялся» в те дни (док. № 6.27) – количество самовольных отлучек в мае на БПЛ выросло до 21, – но так получилось, что его имя снова оказалось в «передовиках» среди нарушителей. И снова, как и в декабре 1944 года, перед командованием и политотделом бригады встал непростой вопрос по части выбора мер к недисциплинированным воинам. Впрочем, по сравнению с концом 1944 года ситуация упрощалась тем, что необходимость ходить в боевые походы отпала, и такие факторы, как падение боеспособности экипажа в связи со сменой командира теперь не играли былой роли. А значит, командование могло себе позволить поступать по отношению к нарушителям так, как того требовали дисциплинарный устав и уголовный кодекс, невзирая на предыдущие заслуги. Справедлив ли был такой подход по отношению к подчиненным, включая тех, кто имел боевые заслуги? С нашей точки зрения, в целом да. Ибо армия, состоящая

из бойцов, нарушающих дисциплину, перестает быть армией, а личный пример командира – а Маринеско был не просто военнотружущим, а командиром корабля, – не может не влиять на подчиненных и дисциплину в подразделении.

Кроме того, Маринеско своим примером оказывал влияние не только на поведение команды, но и на поступки офицеров всей бригады. За собутыльничество с ним пострадали несколько командиров подлодок и его друг В. С. Лобанов (док. № 6.29-6.31), до того уже получивший приговор трибунала, но обещавший исправиться и пытавшийся встать на путь исправления. Все они получили дисциплинарные взыскания с учетом тяжести и частоты своих поступков.

Нелепы ссылки некоторых апологетов Маринеско на то, что наказания по отношению к нему осуществлялись в особом порядке, с какой-то изощренной жестокостью. Ближайший к «подводнику № 1» по уровню дисциплинированности среди командиров подлодок – командир К-56 И. П. Попов – 28 февраля был исключен из ВКП(б), а после самовольной отлучки 17 мая командование бригады возбудило ходатайство перед Военным советом КБФ о снятии его с должности командира подлодки, списании с бригады и снижении в звании. Военный совет удовлетворил прошение бригады лишь частично – данный офицер был переведен на преподавательскую работу в ВМУ имени Фрунзе, но без понижения в звании. При этом следует отметить, что по результатам последнего похода в апреле 1945 года Попов доложил о потоплении легкого крейсера и тральщика противника, за что 26 мая был награжден орденом Красного Знамени, но этот факт не стал в глазах командования индульгенцией, искупающей пьянство и развратное поведение на берегу.

Находятся и те, кто педалируют тему зависти к народному герою, в частности, озлобление командования за то, что при переводе С-13 из Турку в Лиепаю в начале июля 1945 года купленный, якобы, в Финляндии «форд» не был брошен или продан Маринеско по дешевке, как об этом мечтали завистники, а был перевезен на новую базу на палубе подводной лодки (в некоторых вариантах легенды «эска» буксировала его за собой на специально для этой цели построенном плотике). Тут мы полностью согласны с капитаном 1 ранга В. Д. Доценко, который в своей книге «Мифы и легенды Российского флота» дал по данному поводу следующий комментарий: *«...это действительно несовместимо с морской культурой, а точнее, это несоблюдение элементарных правил службы на подводных лодках. Уважающий себя командир подводной лодки никогда бы не допустил такой выходки, ведь это противоречит требованиям Корабельного устава – важнейшего на флоте документа. Командир обязан не только сам его соблюдать, но и требовать этого от своих подчиненных»*. И действительно, такая перевозка – если она имело место на самом деле – резко меняла дифферентовку, характеристики остойчивости и маневренности корабля. В условиях недавно окончившихся на Балтике военных действий и сложной минной обстановки это был ничем не оправданный риск, не только собой, но и экипажем, за который так сильно переживал наш герой. Интересно отметить, что в своих рассказах Крону Маринеско обошел тему транспортировки автомобиля в Лиепаю молчанием. Что это – косвенное признание того, что на самом деле никакого «форда» он не приобретал, или подспудное понимание того, что таких поступков стоит стыдиться, а не хвастаться ими?

Наказание за реальные, а не вымышленные проступки последовало сразу вслед за трехсуточным загулом, длившимся с 30 июля по 1 августа (док. № 6.33, 6.35). Уже через три дня решением Военного совета КБФ Александр Иванович был временно отстранен от должности командира подлодки, а на заседании парткомиссии получил строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку (док. № 6.34). За этим последовали подготовленные в штабе бригады представление на демобилизацию и досрочная аттестация (док. № 6.36, 6.37). Но и после этого командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц, которому имя Маринеско к тому времени, несомненно, уже было хорошо известно, не стал увольнять его с флота, а ограничился

лишь понижением в воинском звании и переводом в другое соединение (примечание к док. № 6.36).

Следовало ли проявить к офицеру какой-то особый подход с учетом былых заслуг? Да, следовало, и с нашей точки зрения он и был проявлен – ведь Маринеско могли просто уволить со службы и отдать под суд, поскольку совершенные им деяния четко подпадали под статьи тогдашнего Уголовного кодекса, тем более, что всё это совершалось не в первый и даже не во второй раз. Ничего этого сделано не было. Согласно рассказу Маринеско Крону, после всего этого он сгонял на «форде» из Либавы в Москву, где встречался с самим наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым. Видимо, слухи об этом ещё в 1960-е годы, т. е. до публикации первого издания книги А. А. Крона, достигли ушей самого Николая Герасимовича, который в своей статье (док. № 7.4) прямо опроверг факт личной встречи с офицером. Да и что тот мог сказать наркому? Просить или требовать награждения его званием Героя? В очередной раз неискренне признать свои ошибки и дать заведомо невыполнимые обещания исправиться? Для чего? Чтобы прослужить лишних неделю – две до следующего крутого загула? В своей книге «Ты наша гордость, отец!» старшая дочь героя Леонора писала, что Александр Иванович был не согласен на службу на надводных кораблях и просил заместителя наркома по кадрам вице-адмирала П. С. Абанькина подыскать ему должность в подводном флоте, а когда тот отказал, подал рапорт на увольнение по собственному желанию, который с учетом его болезненного состояния был немедленно удовлетворен (док. № 6.40). По-видимому, Абанькин, встреча с которым подтверждается документально (док. № 7.2), не нашел оснований удерживать или отговаривать такого «ценного кадра» от принятия крайнего решения. Впрочем, добровольность сделанного Маринеско выбора нимало не мешает многим публицистам и журналистам до сегодняшнего дня утверждать, что Александр Иванович был незаслуженно уволен по чьей-то злой воле. Создатели снятого в 2008 г. документального фильма «Александр Маринеско» пошли ещё дальше, поставив в дикторский текст такую фразу: «В ноябре 1945 года его (Маринеско. – *Прим. сост.*) увольняют с Военно-Морского Флота за халатное отношение к службе и аморальное поведение, и понижают в звании до старшего лейтенанта, в должности – до командира тральщика». Правда, как можно понизить офицера в должности до командира тральщика, одновременно уволив с флота, авторы фильма не поясняют.

Послевоенная жизнь Александра Ивановича не имеет прямого отношения к его боевой карьере, но с точки зрения раскрытия индивидуальных качеств его личности представляет несомненный интерес. Кроме того, описание послевоенных злоключений для апологетов Маринеско уже давно стало неотъемлемой частью формирования образа «униженного и оскорбленного» народного героя, который верой и правдой служил своей стране, но подвергся лишь многочисленным незаслуженным притеснениям и унижениям. Желание восстановить справедливость близко и понятно любому нормальному человеку, и на нём неоднократно пытались сыграть во имя достижения различных целей. Попытаемся с опорой на документы проверить достоверность вышеуказанных утверждений в отношении нашего героя.

Маринеско был уволен из рядов ВМФ по собственному желанию приказом от 20 ноября 1945 года, а с 6 декабря стал числиться в запасе. В этот же момент он, согласно воспоминаниям старшей дочери, окончательно порвал с первой семьей, уйдя жить к той женщине, с которой встречался в период блокады Ленинграда. Параллельно с семейными требовалось решить вопросы трудоустройства. Уже 16 января 1946 года он написал заявление о приеме на работу в Балтийское государственное морское пароходство (БГМП; док. № 7.1). Такая хронология событий ясно показывает, что все предложения о лечении Александра Ивановича до увольнения из рядов Вооруженных сил так и остались благими пожеланиями. К сожалению, не удалось обнаружить никаких медицинских документов о состоянии его здоровья, которое в документах, шедших по командной линии, оценивалось как весьма плохое (док. № 6.28, 6.36, 6.37). Впрочем, требования к гражданским служащим не настолько строги, как к комсоставу флота.

Это ясно проявилось при приеме Маринеско на работу – сразу же в день подачи заявления, без какого-либо медицинского освидетельствования, проверки профессиональных знаний и изучения характеристик по предыдущему месту службы он был принят на работу и ни кем-нибудь, а на должность старшего помощника капитана (док. № 7.1)! Несомненно, этому способствовало то обстоятельство, что в анкете Маринеско скрыл своё разжалование и понижение в звании и должности, а для личного дела предоставил свою фотокарточку в форме капитана 3 ранга. Авторитет профессиональных военных в то время был велик, хотя, с другой стороны, народное хозяйство ощущало большой дефицит рабочих рук и просто не могло выжить без бывших фронтовиков. Как же обошелся наш герой с предоставленным ему кредитом доверия?

К сожалению, приходится констатировать, что личное дело Маринеско А. И. за период работы в БГМП, ныне хранящееся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, было оформлено крайне небрежно. Ряд важных документов в нём отсутствует, другие содержат многочисленные исправления от руки, иногда поверх старых записей, вплоть до полной невозможности разобрать текст. В связи с этим многих подробностей работы Александра Ивановича в данной организации установить не удалось, и мы изложим лишь то, в чём уверены на 100 %. Это рисует нам следующую картину.

31 января 1946 года Маринеско получил диплом капитана малого плавания, а в марте, в Ленторгпорте – мореходную книжку. После трехмесячного нахождения в резерве, что вряд ли могло его устраивать в связи с отсутствием многочисленных надбавок, которые моряки торгового флота получают, работая на судах заграничного плавания, наш герой был направлен в служебную командировку для приема судов для Северо-Западного речного пароходства. Как офицер запаса Маринеско получал и пенсию (док. № 7.2), но объемы выплат по ней были не настолько велики, чтобы прокормиться, тем более, содержать семью. Конкретное место командировки не указано, но с большой долей вероятности можно предположить, что речь шла о получении судов в Финляндии, которая должна была предоставить их по репарациям в соответствии со статьями Московского перемирия и дополнительного протокола к нему. В качестве репараций Финляндия передала СССР около двух третей (по тоннажу) своего флота и построила новых кораблей на сумму в 66 млн долларов США. Общее количество финских судов, полученных по репарациям, составило 619 единиц. Впрочем, Александру Ивановичу не удалось сыграть значительную роль в этом процессе, поскольку менее чем через две недели с момента начала командировки он был отправлен назад в Ленинград в отдел кадров БГМП с формулировкой *«за невозможностью использования»*. В чем именно выразилась эта «невозможность» неизвестно. Сразу после возвращения, 26 апреля 1946 года (с момента отправки в командировку прошло всего 13 суток!) недавно принятый на работу Маринеско был уволен. И опять же нет никаких сведений о том, по какой статье и в связи с чем это было сделано. В личном деле сохранилось лишь заявление Александра Ивановича, где он просил выплатить ему денежную компенсацию за не использованный очередной отпуск.

Впрочем, логика последующих событий показывает, что в данном случае увольнение состоялось явно не по собственному желанию. Вероятно, наш герой предпринял какие-то шаги, и 24 мая на выписке из приказа о командировке, где уже была помета об увольнении, появляется резолюция, написанная красным карандашом и явно принадлежавшая одному из руководителей БГМП: «Восстановить». Как её следствие на следующий день выходит приказ по пароходству № 15, в соответствии с которым Маринеско А. И. назначался 2-м помощником капитана на пароход «Отто Шмидт». Интересно отметить, что уровень кадровой работы в БГМП был настолько низок, что с Александра Ивановича даже не взяли повторного заявления о приеме на работу – это было сделано задним числом лишь 11 ноября того же года. Однако обстоятельства могли сложиться так, что этого заявления и вовсе не потребовалось бы. В хранящейся в деле личной учетной карточке можно прочесть следующий текст, по-видимому, переписанный туда из очередного приказа по пароходству: *«За невыход на общий аврал, свя-*

занный с буксировкой барж, а также за появление в пьяном виде на свою очередную вахту и покинул ее (Так в документе. – Прим. сост.) будучи не в состоянии нести её из-за чрезмерного опьянения – отстранить от должности 2-го ПК с доставкой в Ленинград в качестве пассажира в распоряжение отдела кадров». Запись датирована 28 июня, то есть это событие произошло всего через месяц с момента восстановления в пароходстве, когда работник находился ещё на испытательном сроке и, казалось бы, должен был всячески стремиться зарекомендовать себя положительно. Однако старые привычки оказались сильнее здравого смысла. Дело явно шло к повторному увольнению, но подобно тому, как это неоднократно происходило и в период службы в ВМФ до весны 1945 года, к Маринеско отнеслись снисходительно и ему удалось избежать увольнения. Вместо этого последовало двухмесячное нахождение в резерве со всеми связанными с этим материальными потерями.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и описать материальное положение лиц, числящихся в резерве, по сравнению с теми, кто ходил в рейсы. В очередном приказе по БГМП на эту тему (№ 55 от 13 февраля 1948 г.) было написано следующее:

«п. 2. Зачисление в резерв производить:

а) на срок до 10 дней при возвращении из очередного отпуска, временной нетрудоспособности, военной переподготовки, демобилизации...

б) при списании за нарушение дисциплины и др. случаи. Общий срок – до 1 месяца.

п. 3. Все лица, зачисленные в резерв используются на временной работе по специальности с оплатой на местах... Во всех остальных случаях за резерв получают 50 % своих должностных окладов...

За время нахождения в резерве, вследствие вины самого работника зарплату не выплачивать»¹⁸.

В то же время те, кто ходил в рейсы, регулярно премировались. В качестве примера рассмотрим два судна, на которых Маринеско довелось поработать, хотя и в другие временные периоды. В феврале 1946 года пароход «Отто Шмидт» выполнил план по тоннам перевезенного груза на 114 %, а по тонно-милям на 115 %. За это капитан судна Ф. И. Воробьев получил премию в размере месячного оклада в 800 рублей, а для премирования экипажа было выделено ещё 3000 рублей. В апреле того же года Воробьев получил в виде премии уже 850 рублей, а экипажу были выплачены дополнительно ещё 7120 рублей. Свой 13-й рейс за 1948 год, в июле месяце, пароход «Ялта» выполнил с 19,5 % экономией по времени, выполнив план перевозки на 105,7 %. Следующий рейс был выполнен с экономией по времени на 14 %. За оба рейса экипаж получил премию в размерах 7446 рублей и 6631 рубль соответственно. Иными словами в случае перевыполнения плана торговый моряк получал двойной оклад, а в случае нарушения, завершившегося переводом в резерв – ничего. Такая разница не могла не быть весьма ощутимой. Впрочем, как видно, подобный «удар по карману» действовал далеко не всегда и не на всех.

Надо думать, что в данном случае произошедшие события заставили Александра Ивановича переосмыслить своё отношение к работе, по крайней мере, на какое-то время. 5 сентября 1946 года он был назначен на пароход «Севан», причём не кем-нибудь, а старшим помощником капитана. Формальные основания для такого повышения остаются не понятны. В упоминавшемся ранее приказе № 15 говорилось, что перед назначением на «Отто Шмидт» Маринеско сдал технический минимум на 2-го помощника, и нет никаких данных о том, что он был переаттестован на более высокую ступень. Тем не менее, назначение состоялось. Этот период в жизни Александра Ивановича можно охарактеризовать, как «светлую полосу»: на «Севане» он получил хорошую характеристику от капитана (док. № 7.4), а с мая 1947 года продолжил свою работу на аналогичной должности на пароходе «Ялта». С этим же периодом связаны измене-

¹⁸ ЦГА СПб. – Ф Р-6087. – Оп. 4. – Д. 92. – Л. 93.

ния в личной жизни: Маринеско официально развелся с первой женой и с марта 1947 года оформил брак с Валентиной Ивановной Громовой. В публикации о герое устоялась информация о том, что они познакомились, совместно работая в пароходстве, однако очередная автобиография Александра Ивановича (док. № 7.9) опровергает это – Валентина Ивановна работала на заводе имени Ломоносова¹⁹ в качестве живописца. Судя по фото, это была красивая и любящая друг друга пара. В этот момент, когда, казалось, жизнь стала налаживаться, судьба уготовила нашему герою очередной неприятный поворот.

Документы БГМП не позволяют установить по чьей инициативе или на каком основании в январе 1948 года возник вопрос о переаттестации Маринеско и сдаче им техминимума. Первая попытка, предпринятая 8 января, завершилась полным провалом. В протоколе было зафиксировано, что *«в виду слабого знания ППСС опрос прекратить и предложить явиться для пересдачи техминимума через три дня»*. Выглядит всё это очень странно. ППСС – правила предупреждения столкновения судов – являются обязательным сводом знаний для любого морского офицера, кто сдает экзамен на допуск к самостоятельному управлению как военным кораблем, так и гражданским судном. Маринеско должен был знать их наизусть ещё с 1939 года, и практически руководствоваться ими и в период командования подлодкой, и в период несения вахты на судах 2-м помощником капитана. Возможно, наш герой отнесся к подготовке сдачи зачетов недостаточно серьезно и не сумел складно сформулировать то, что на самом деле знал как «Отче наш»? Повторная сдача, которая, правда, произошла не спустя три, а спустя 20 дней зафиксировала, что ППСС он знал хорошо (док. № 7.5). Вместе с тем не все обязательные предметы, необходимые для исполнения должности старпома, находились на требуемом уровне. Например, Маринеско не знал судовых и грузовых документов, при том, что старпом обязан оформлять грузовые документы, вести грузовую книгу, составлять и представлять на подпись капитану грузовой отчет, и совершенно не был посвящен в вопросы морского права. Приходится констатировать, что, прослужив на судах торгового флота более полутора лет, Александр Иванович не работал над повышением уровня своих знаний, и знал только те вопросы, с которыми сталкивался в период службы штурманом в ВМФ – навигацию, электронavigационные приборы, мореходную астрономию и устав. По заключению комиссии с таким объемом знаний он мог быть только 2-м помощником капитана на судах вплоть до 5-й группы, то есть лишь третьим человеком на судне с соответствующей этому меньшей зарплатой. В данном случае кадровые органы оперативно отреагировали на заключение комиссии, и уже 4 февраля 1948 года Маринеско получил назначение 2-м помощником капитана на пароход «Грибоедов».

То, что случилось дальше, по всей видимости, нужно считать «темной полосой», которая традиционно следует за «светлой»: чуть более чем через два месяца Александр Иванович, без какого-либо формального повода (или он всё-таки был, но не попал в личное дело?), оказался в резерве. Через неделю он добился назначения на пароход «Пулково» – полученное в счет репараций финское судно. Опять же по не вполне понятной причине служба на нём продолжалась менее месяца и 24 мая Маринеско вновь стал «резервистом». Регулярные факты снятия с плавающих судов невольно заставляют предположить уже известные нам проблемы с дисциплиной, только на этот раз не воинской, а трудовой. Эти подозрения усиливает текст вышеприведенного приказа, в котором четко описаны основания, по которым моряк мог переводиться в резерв. Сидение на «голодном пайке» продолжалось до 16 июля, когда наш герой получил назначение на судно «Мста». Этот пароход ледового класса, также финской постройки, ещё 10 июля был передан в чартер Главному управлению Северного морского пути с перебазированием в Архангельске. Выглядит это так, будто руководство БГМП пыталось избавиться от моряка, передавая его вместе с судном в другую организацию. Впрочем, служба

¹⁹ Несомненно, имелся в виду Ленинградский фарфоровый завод имени М. В. Ломоносова.

на «Мсте» (если она вообще фактически имела место) продолжалась весьма недолго. Уже 29 июля Маринеско был переведен старпомом на «Адмирал Нахимов» (бывший немецкий «Берлин»). В этот момент печально известный лайнер²⁰ находился в длительном восстановительном ремонте в доке Кронштадтского морского завода, а значит, столь почетное на бумаге назначение в материальном плане ничего не давало. Более того, оно исключало участие в столь выгодном в материальном отношении заграничном плавании. По-видимому, кредит доверия к Маринеско к тому времени был полностью исчерпан, и добиться назначения на плавающее судно ему не удавалось. Как жест отчаяния в этой ситуации может восприниматься его заявление от 5 августа (док. № 7.6). В нём наш герой писал, что просит уволить его по собственному желанию *«в связи с невозможностью использовать меня как штурмана в дальнем плавании»*. Такое основание звучит, по меньшей мере, странно. Дело в том, что на торговых судах нет отдельной специальности штурмана, поскольку штурманами являются все помощники капитана, допущенные к несению вахты. Наибольшее отношение к штурманскому делу имеет как раз 2-й помощник капитана, в обязанности которого входит *«своевременно получать штурманские, навигационные и гидрометеорологические приборы и инструменты, содержать их в исправном состоянии, обеспечивать судно установленной судовой коллекцией морских карт, руководств и пособий для плавания, производить их подбор для предстоящего рейса»* и т. п. Это должен был знать и Маринеско, и то лицо, которое должно было рассмотреть его заявление. Вероятно, заявление имело иной подтекст: по какой-то неведомой, не зафиксированной в документах причине Александру Ивановичу объяснили, что использовать его в качестве помощника капитана на судах, ходящих в дальние плавания, т. е. за границу, невозможно. В свойственной ему манере, проявившейся в истории с назначением на тральщик, не согласный с таким решением Маринеско написал заявление «по собственному желанию». В любом случае подлинная причина увольнения не имела ничего общего с информацией в книге А. А. Крона о том, что наш герой ушел из пароходства из-за проблем со зрением²¹. Ни одного документа об этом, равно как и строк в собственноручно написанных автобиографиях (док. № 7.9, 7.20) нет. Первоначально на заявлении появилась резолюция заместителя начальника БГМП по кадрам: *«В увольнении отказать»*, но затем другая, написанная в тот же день 7 августа – *«В приказ. Оформить увольнение по собственному желанию»*. Повторялась история со службой в ВМФ, где, в конечном итоге, не нашлось ни одного ответственного лица, заинтересованного в сохранении Александра Ивановича в кадрах организации. Что это: наплевательское отношение к ценным специалистам, или констатация того, что данный специалист по каким-то причинам не представляет интереса и не может принести пользы организации? В любом случае, карьера моряка торгового флота, к которой Маринеско так стремился всю жизнь, завершилась по его собственному желанию и продолжалась, не считая допризывного периода жизни, менее трех лет, когда нашему герою исполнилось всего 35.

Немало загадок содержит и следующий период трудовой биографии Маринеско, а именно его работа в Ленинградском институте переливания крови (ЛИПК). Известно, что он попал туда не случайно, а по рекомендации секретаря Смольнинского райкома ВКП(б) В. В. Никитина (док № 7.7). Интересно отметить, что В. В. Никитин не только рекомендовал Маринеско директору института В. В. Кухарчику, но и фактически определил должность, которую тот займет – заместителя директора по административно-хозяйственной части. Вероятно, должность была вакантной и директор института сам попросил секретаря райкома ВКП(б) при случае помочь укомплектовать её подходящей кандидатурой. Здесь, как и в случае трудоустройства в БГМП, мы видим пример максимально доброжелательного и доверительного отношения к бывшему фронтовику с шестью государственными наградами. 23 октября

²⁰ Судно погибло 31 августа 1986 г. в результате столкновения в Цемесской бухте, при этом погибло 423 человека.

²¹ Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 146.

1948 года Маринеско был принят на работу заместителем начальника ЛИПК по административно-хозяйственной части с окладом 930 рублей в месяц. Казалось бы, жизнь дала нашему герою очередной шанс начать всё с чистого листа, своей добросовестной работой зарекомендовать себя и занять достойное положение в новой организации. Увы, и этот шанс оказался не использован.

Случилось так, что новый «зам» не стал надежной опорой директору. Для начала опишем произошедшие события в том виде, в котором надиктовал их писателю А. А. Крону сам Александр Иванович: *«Зная Маринеско как честного человека, секретарь Смольнинского райкома Никитин предложил ему пойти в Институт переливания крови заместителем директора по хозяйственной части. Хотел добра, а получилось плохо. Директору совсем не нужен был честный заместитель. Его вполне устраивал полуграмотный завхоз, помогавший ему строить дачу и заниматься самоснабжением. Дело прошлое, директора уже нет в живых, поэтому опускаю его фамилию. Пусть он будет К. Намеков, этого К. Александр Иванович понять не захотел, и между ними сразу возникла вражда. Затаенная со стороны К., открытая со стороны Маринеско».*

Знакомство с документами почти ничего не оставляет от этого рассказа. Во-первых, директор К., а именно Викентий Васильевич Кухарчик был личностью весьма неординарной и заслуженной, возможно, не менее чем сам Маринеско. 1896 года рождения, он являлся участником Первой мировой войны и в 1917 году попал в немецкий плен. После возвращения из него в 1918 году, он не стал участвовать в братоубийственной гражданской войне, а после её окончания поступил в медицинский институт. Его трудовая биография началась в 1925 году с должности простого хирурга и завершилась в 1959 году уходом на пенсию. Уже в 1935 году он стал заместителем директора, а спустя год – директором ЛИПК. В 1939–1940 гг., в период советско-финляндской войны институт возглавил дело обеспечения медицинских учреждений фронта донорской кровью. Оперативно был решен и ряд научно-прикладных вопросов – разработана ампула для переливания крови, сконструирован изотермический ящик для хранения крови в течение 20 суток. Работа института в 1940 году была отмечена правительственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени.

Несомненно, что самые тяжелые годы работы Кухарчика на данном посту пришлись на период Великой Отечественной войны. Несмотря на блокаду, ежедневно через институт проходило в среднем до 3000 доноров. Усилиями работников института за годы войны на фронт было отправлено 518134 дозы донорской крови, объем которой составил 144 тонны, полученной от более чем 500000 кроводач. Одновременно в войска ушло 40000 изотермических ящиков с кровью и растворами, что составило груз 150-ти железнодорожных вагонов, размещенных в 5 эшелонах. Помимо этого, в институте не прекращалась научная деятельность и не случайно, что первая в условиях блокады научная конференция в Ленинграде прошла именно в ЛИПК в мае 1942 года. В течение всей войны в институте велись исследования т. н. сухой кровяной плазмы, и в 1946 году за разработку метода лиофильной сушки плазмы сотрудники института А. Н. Филатов и Л. Г. Богомолова были удостоены Сталинской премии СССР. За успехи в руководстве институтом В. В. Кухарчик неоднократно награждался государственными наградами: в 1940 году – орденом Красной Звезды, в 1943 году – премией Совета народных комиссаров «За научные достижения в условиях блокадного Ленинграда» и орденом Трудового Красного Знамени, в 1945 году – медалью «За оборону Ленинграда», в 1946 году – знаком отличия «За обеспечение Красной армии донорской кровью» и медалью «За доблестный труд». По отзывам ветеранов ЛИПК это был активный и весьма успешный ученый и администратор, добившийся несомненных успехов на своём поприще и пользовавшийся заслуженным авторитетом не только в своём институте, но и во всей медицинской отрасли. Подтверждением этого стал перевод ЛИПК в 1946 году в прямое подчинение минздраву РСФСР.

Ситуация начала меняться после окончания войны. Настало время для поиска новых путей развития и решения многочисленных внутренних проблем института, которые ранее откладывались на послевоенное время. Решать их пришлось в период послевоенного восстановления и сокращения финансирования. Викентий Васильевич, как мог, пытался находить выходы из всех тупиков, но на этом пути, по-видимому, допустил некоторые ошибки. С одной стороны, он дал излишние права и ослабил контроль за действиями некоторых ответственных лиц института, с другой – не смог или не захотел наладить отношения с рядом влиятельных, но недостаточно хорошо работавших сотрудников. Попытка заставить их работать, как положено, привела к обидам и личным конфликтам. С 1947 года в адрес «руководящих инстанций» на директора посыпались анонимки, содержавшие многочисленный «компромат», который, однако, большей частью не подтверждался. Работа института усложнилась из-за многочисленных проверочных комиссий и ревизий, стоивших должности предыдущему заму директора по хозяйству.

Ситуация обострилась после того, как 22 февраля 1949 года со своей должности был снят секретарь Смольнинского райкома и, по-видимому, хороший знакомый Кухарчика В. В. Никитин. Весьма вероятно, что это было связано с начавшим разворачиваться именно в этот момент небезызвестным «ленинградским делом». Проверить это предположение в полной мере в настоящий момент (февраль 2022 г.) невозможно, поскольку ещё не истек 75-летний срок давности по некоторым хранящимся в архиве ЦГА ИПД документам. Так или иначе, но тогда, в начале 1949 года, сменилось всё руководство Смольнинского райкома, и новое фактически повело борьбу на уничтожение против директора ЛИПК. С июля началось следствие, на которое в качестве свидетелей вызывались те или иные должностные лица института, в том числе и Маринеско. И он дал столь необходимые следователям показания. Возможно, одной из причин этого было то, что у нашего героя сложились товарищеские отношения с одним из анонимщиков, убедивших Маринеско в том, что Кухарчик – вор и место ему в тюрьме. Как и что говорил Александр Иванович на следствии нам не известно, но вот как в своей объяснительной в райком партии позже об этом писал сам Кухарчик:

«В первой половине 1949 года я обратился с просьбой к своему заместителю по хозяйственной части т. Маринеско достать через агента мне 100–150 облицованных плиток. Когда плитки были завезены мне на квартиру, в количестве 3 ящиков (300 штук) и я хотел расплатиться, то оказалось, что плитки были взяты в Институте. Я немедленно вернул один ящик в Институт и дал расписку в том, что остальные верну при первой возможности. Все плитки сразу не мог вернуть, так как часть оказалась битыми, а остальные были использованы. Впоследствии я вернул и остальные. Приложение № 14²². Признаю свою ошибку, что я обратился по личному делу к своему подчиненному лицу».

Поскольку данная записка писалась на следующий день после суда над Кухарчиком, где уже были оглашены все добытые следствием улики, маловероятно, чтобы директор ЛИПК мог исказить суть дела в свою пользу. Подтверждается это и приговором суда, где есть следующая фраза: «подсудимый Кухарчик взял в Институте **взаимообразно** (Выделено нами. – Прим. сост.) три ящика изразцовых плиток стоимостью 431 р. 50 коп. и использовал их для ремонта занимаемой им квартиры». То есть и суд признавал факт того, что плитку, а частично деньги за неё, директор вернул, а нарушение его заключалось только в том, что он обратился с личной просьбой к человеку, который был подчинен ему по службе, и, в принципе, личные просьбы начальства выполнять был не обязан. Конечно, любой, кто работал хотя бы день в какой-либо организации, понимает всю тонкость отношений «начальник – подчиненный» и важность установления между ними той грани, за которой просьбы начальника не будут выполняться в силу нарушения закона, либо интересов работника. Но Маринеско не стал возражать или игнориро-

²² Приложением являлась накладная от 17 декабря 1949 года о сдаче В. В. Кухарчиком 230 плиток на склад ЛИПК.

вать просьбу, а выполнил её. Не о подобном ли «намеке» писалось в вышеприведенном отрывке из книги А. А. Крона? Если так, то в реальной жизни Маринеско сразу понял и выполнил намеки, но понял весьма своеобразно – как указание украсть плитку. Вряд ли он с его опытом службы в ВМФ был настолько наивен, что не понимал, что своими действиями он подставляет своего начальника под удар, тем более, если на того регулярно строчат анонимки и проверки следуют одна за другой. Если он не скрывал своё враждебное отношение к Кухарчику, как об этом писал А. А. Крон, то зачем он вообще стал выполнять его «намеки» без письменного приказа? Или всё-таки директор не отдавал незаконного распоряжения, а таковым его вольно или невольно сделал сам Маринеско, забрав плитку из института?

Завершая тему В. В. Кухарчика, нужно сказать, что он действительно 27 февраля 1950 года был осужден судом по статье 109 УК – «злоупотребление служебным положением». После проверки многочисленных анонимок, где Кухарчику приписывали наличие двух квартир в Ленинграде, покупку дачи на украденные деньги, двоеженство и потерю политической бдительности (устроил на работу в институт племянника, который ранее находился на оккупированной территории и, по некоторым данным, служил у немцев) и ещё множество всего, в приговоре остались только два эпизода: с плиткой и с нарушением финансово-штатной дисциплины. При этом в последнем случае речь шла не о хищениях, а о получении зарплаты работниками института за временное, но реальное исполнение обязанностей по вакантным должностям в других подразделениях организации, то есть совместительство. Это директор объяснил служебной необходимостью, но суд не услышал его аргументов. Тем не менее судьи всё-таки не нашли оснований для вынесения сурового приговора. За все свои «прегрешения» Викентий Васильевич был приговорен всего лишь к исправительно-трудовым работам сроком на 1 год с отбыванием наказания по месту работы с вычетом 25 % от суммы зарплаты. То есть, несмотря на показания Маринеско, «ворюга-директор» в реальную тюрьму так и не сел, а перешел на работу в другой медицинский институт на должность рядового врача-хирурга.

Примечательно, что такой мягкий приговор состоялся несмотря на фактическую травлю Викентия Васильевича, развернутую «обновленным» руководством Смольнинского райкома ВКП(б). Не добившись исключения Кухарчика из партии первичной партийной организацией, райком 16 декабря 1949 года сам исключил его с формулировкой *«за антигосударственную практику, притупление политической бдительности, за аморальное поведение в быту»*. Можно лишь удивляться тому, как человек с такими обвинениями в те годы вообще мог оставаться на свободе. Ответ прост – все эти ярлыки вешались не после, а за два месяца до суда. Фактически же суд не поддержал мнение райкома, найдя в действиях Кухарчика лишь злоупотребление служебным положением. Во многом именно благодаря этому Викентию Васильевичу удалось найти правду в Ленинградском горкоме ВКП(б). Его решением от 17 апреля 1950 года исключение из партии было заменено на строгий выговор с занесением в учетную карточку *«за политическую беспечность и нарушение штатно-финансовой дисциплины»*.

Зачем мы так подробно описали злоключения В. В. Кухарчика, который не является героем нашего исследования? Помимо выполнения основной цели – показать, кто был кем в конфликте между директором ЛИПК и его завхозом, мы хотели продемонстрировать такую важную особенность того времени, как крайнюю строгость в оценке любых нарушений закона со стороны судов и партийных организаций, а также вынесение достаточно суровых приговоров по некоторым делам, за которые в наше время можно опасаться, разве что, административных штрафов. Именно через эту призму следует рассматривать и «дело Маринеско», развивавшееся практически параллельно с «делом Кухарчика».

В начале представим слово А. А. Крону: *«К. долго искал случая избавиться от Маринеско. Это было совсем не просто, в коллективе института Александру Ивановичу доверяли. Уважали за деловитость и внимание к нуждам сотрудников. На этом К. и подловил Маринеско. Была устроена провокация.*

На дворе института лежали списанные за ненадобностью несколько тонн торфяных брикетов. Вместо свалки Маринеско, заручившись устным разрешением директора, развез эти брикеты по домам наиболее низкооплачиваемых сотрудников в виде предпраздничного подарка. (Напомню: время было послевоенное, Ленинград ещё не полностью оправился от блокады, подарок пришлось кстат.) А затем директор быстрехонько отрекся от данного им разрешения, позвонил в ОБХСС, и Маринеско оказался расхитителем социалистической собственности»²³.

Благодаря популярности повести «Капитан дальнего плавания» эта версия событий нашла широкую известность, но, как оказывается, она была не единственной в арсенале Александра Ивановича. Другую можно прочесть в выписке из протокола партсобрании ЛИПК от 27 декабря 1952 года (док. № 7.15) и объяснительной записке Маринеско в бюро райкома КПСС Смольнинского района г. Ленинград от 31 января 1953 года (док. № 7.16). Несмотря на некоторые шероховатости и противоречия – на партсобрании Маринеско отвечал на вопросы своих бывших сослуживцев, врать которым не имело смысла, а объяснительную писал людям, знавшим его только по бумагам – выстраивается следующая картина:

В мае 1949 года. Маринеско забрал из института себе домой одну из кроватей для личного использования. Он утверждал, что планировал использовать кровать лишь временно, но что такое человеческая жизнь по сравнению с вечностью?! В конце октября за кроватью последовали две тонны торфбрикета на сумму 286 рублей. Утверждение о том, что две тонны торфбрикета были списаны за ненадобностью с учетом того, что наступала зима, звучит также убедительно, как звучало бы заявление о списании за ненадобностью двух ящиков водки перед новогодними праздниками. На самом деле (док. № 7.16) торф списан не был и являлся институтским имуществом, за которое Маринеско пообещал внести деньги в кассу в соответствии с его государственной стоимостью. Смысл этого маневра вполне понятен: розничная цена брикетов на «толкучке» в холодное время года превышала государственную, и даже при условии внесения денег в кассу по официальным расценкам, можно было остаться с вполне приличным «наваром». Таким образом, ни о каких подарках низкооплачиваемым сотрудникам (в некоторых современных писаниях – семьям фронтовиков) речи не шло.

Но и этого вошедшему во вкус завхозу показалось мало. Маринеско имел поручение директора о подготовке зданий института к зиме. В качестве утеплителя планировалось использовать 240 кг конского волоса из списанных матрасов. Удивительным образом весь этот конский волос оказался на приемном пункте Утильсырья, где он был продан за 200 рублей. Если по обоим первым эпизодам Маринеско утверждал, что имел на эти действия устное разрешение директора, то врать про конский волос смысла не было, поскольку директор знал, чем именно планируется утеплять здания и разрешить его продажу никак не мог. В отношении судьбы вырученных денег между объяснительной в райком и протоколом партсобрании ЛИПК есть разница. На партсобрании Маринеско честно признался, что прогулял их за ноябрьские праздники, но в объяснительной написал, что деньги не расходовал, а не смог сдать их в кассу 6 ноября, поскольку та была закрыта. В таком случае логично было бы предположить, что Маринеско поспешит внести эти деньги в первый же рабочий день после праздников – 9 ноября, но этого не произошло. Как оказалось, Александр Иванович заболел – видимо, нелегко далось ему освоение суммы, вырученной в Утильсырье. Не вышел он на работу и 10 ноября. Больше Кухарчик ждать не стал, и уже во второй половине дня подписал приказ об отстранении Маринеско от работы с 11 ноября «за использование служебного положения в личных корыстных целях, невыход на работу 9 и 10.11.49 г. и не подготовку здания к зиме», а также о передаче его дела в следственные органы (док. № 7.10). Возможно, кому-то такое решение директора ЛИПК покажется излишне поспешным и недостаточно оправданным, но давайте зададимся

²³ Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 146–147.

вопросом: а стали бы вы на месте Викентия Васильевича покрывать своего вороватого заместителя, если бы сами находились под следствием, а этот зам, к тому же, давал показания против вас? Вероятно, нужно обладать всепрощенчеством Христа, чтобы в подобной ситуации удержаться от соблазна воздать по справедливости человеку, пытавшемуся тебя подставить под уголовную статью, и вообще поступиться своими интересами и интересами возглавляемой тобой организации.

Следователи, занимавшиеся делом ЛИПК, должно быть, обрадовались новой возможности получить компромат на Кухарчика и его окружение. Согласно объяснительной, сразу же по выходу на работу, то есть в пятницу 11 ноября, Маринеско был арестован и задержан на трое суток, в течение которых на его квартире был произведен обыск. Там следователи обнаружили кровать и две тонны брикетов (!). Затем Александр Иванович был выпущен до суда под подписку о невыезде. В институте переливания крови он более не работал, но все ещё оставался членом его партийной организации, чем не преминул вскоре воспользоваться.

28 ноября 1949 года состоялось партийное собрание коммунистов ЛИПК²⁴, где вторым вопросом повестки дня стояло обсуждение решений октябрьского пленума городского комитета ВКП(б). В данном случае речь шла не об отвлеченных темах вроде построения коммунизма, а о вполне конкретных делах – новое, по результатам чистки 1949 года, руководство горкома информировало рядовых коммунистов города о «страшных прегрешениях» предыдущих руководителей Ленинграда. Как и в годы недавней «перестройки» это стимулировало рядовых членов партии к поднятию злободневных вопросов и критике местного руководства. Нечто подобное произошло и на партсобрании ЛИПК. После оглашения решений пленума директору стали поступать вопросы с мест, одним из которых был: *«Почему не были приняты соответствующие меры тогда, когда были выявлены пьянки у т. Маринеско?»* Ещё раньше, чем на него ответил Кухарчик, слово взял сам Александр Иванович, попытавшийся перехватить инициативу: *«Смена завхозов происходит из-за того, что работать в институте невозможно. Директор абсолютно не помогает в работе, дает разрешение на работы, а потом отказывается от них. Зачем это? Это для того, чтобы убрать меня с работы. Если я брал себе из института кровать во временное пользование, то директор облицевал себе кухню институтскими плитками. И делал многое другое, о чём я могу рассказать. Я болел 2 дня, бюллетень не брал, но директор тоже никогда, когда болеет, бюллетень не берет. Мне приписали прогул. Почему меня делают преступником? Разве так поступают с советским гражданином и членом партии?»*

После того как прозвучал ещё ряд критических выступлений в адрес директора, ответное слово взял сам Кухарчик. Он снова отверг большинство предъявлявшихся ему обвинений, которые большей частью повторяли содержание анонимок, а по поводу Маринеско ограничился лишь одной короткой фразой: *«т. Маринеско неплохой работник, но сорвался на пьянке»*. Это вызвало у Александра Ивановича настоящий взрыв эмоций: *«Директор двуличен, обманывает собрание, говоря что я неплохой работник, а аттестацию в следственные органы дал мне следующую – пьяница и ничего не делает. Кухарчик нахал и мерзавец! Он подделал мою подпись на ремонт [в институтской мастерской] 4-х [собственных] кроватей, но я его разоблачил. Я знаю ещё многое и о делах до моего поступления в институт!»* Последнее косвенно указывает на дружбу Маринеско с анонимщиками или, по крайней мере, на то, что он верил в сообщавшиеся ими факты. Не приходится сомневаться в том, что все возможные и невозможные грехи Кухарчика были сообщены им следствию, но, как мы уже знаем, это не привело к появлению новых пунктов обвинения против директора.

Читая все эти документы, невольно поражаешься уверенности Маринеско в собственной правоте и непризнанию им вины за собственные проступки, даже такие очевидные, как хище-

²⁴ Стенограмма партсобрания хранится в ЦГАИПД Санкт-Петербурга. – Ф Р-1728. – Оп. 1. – Д. 821599. – Л. 49–59.

ние того же конского волоса и прогулы по причине «болезни» известного свойства. Позже, в местах «не столь отдаленных», наш герой, видимо, имел возможность поразмыслить над своим поведением и стал высказываться о нём в иных интонациях. Так, например, в своей объяснительной, написанной в Смольнинский райком КПСС в январе 1953 года (док. № 7.16) Александр Иванович писал: *«Честно говоря, считаю, что приговор по моему делу был строг, но это послужило мне хорошим уроком в жизни. Моя прежняя деятельность до института была связана с морем, где я чувствовал себя немного “героем”, имея ряд военных успехов и наград за участие в Отечественной войне. Конечно, я никогда не расхищал государственную собственность, если в институте и попал под суд, то виной этому послужила моя халатность, незнание дела и даже некоторая легкомысленность, которая сквозила в моём поведении и отношении к делу»*. И далее: *«... всё то, что мне пришлось пережить за последнее время, позволило мне подвергнуть все свои проступки резкой критике, осудить себя и выбросить весь “мусор” за борт»*. Впрочем, возможно и эти признания были не искренни, поскольку в 1960–1962 гг. во время общения с А. А. Кроном Александр Иванович высказывался об этом в совершенно ином ключе. Мы же считаем, что настоящий сборник содержит достаточное количество документов, чтобы любой читатель сделал самостоятельный вывод о том, кто был прав, а кто нет в конфликте между Маринеско и Кухарчиком, кто кого подставил, кто пострадал незаслуженно, а кто был наказан пусть и сурово, но за реальные нарушения закона.

Суд над Маринеско состоялся 14 декабря 1949 года. О том, как он проходил, доводилось читать немало легенд в различных публикациях последних лет, посвященных «подводнику № 1». Например, такую: *«В суде А. И. Маринеско говорил судьям, что принес старую кровать в свою коммунальную квартиру на время, потому что ему, его новой супруге, грудному ребенку и теще не на чем было спать. И прокурор, бывший фронтовик, поверил. Убедившись, что дело не стоит выведенного яйца, отказался от обвинения. Народные заседатели заявили особое мнение. Однако судья не решилась вынести оправдательного приговора. Тогда это не практиковалось. Дело отложили, Маринеско взяли под стражу. И уже в другом составе суда вынесли обвинительный приговор»*. Примечательно, что всё это писал отставной полковник юстиции, а людям этой профессии, вроде, должно быть свойственно проверять факты. Вот лишь один из них: откуда в семье Маринеско в 1949 году мог взяться грудной ребенок? Известно, что первая его дочь родилась в 1933 году, вторая лишь в 1953-м, а сын Горомовой от первого брака был 1938 года рождения (док. № 7.20). По-видимому, в роли грудных младенцев оказываются те читатели, кто поверил этому рассказу вместо того, чтобы потратить пару минут на проверку состава семьи народного героя (он есть даже в Википедии). По свидетельству неоднократно бывавшей у Маринеско старшей дочери Леоноры, жил он не в коммунальной, а в двухкомнатной квартире, правда с родителями жены. Позже овдовевшая теща нашла себе другое жилье, поскольку точно известно, что в 1962 году у неё был иной адрес проживания, нежели у её дочери Валентины.

О каких-либо затруднениях по ходу следствия и суда из сохранившихся документов ничего не известно; напротив, то, что Маринеско был арестован 11 ноября, а уже 14 декабря ему вынесли приговор, указывает на то, что их не было. Вызванные в суд свидетели, судя по тому, что позже писал сам Александр Иванович в своей объяснительной, отрицали устные разрешения на взятии замом по АХЧ различного имущества. Даже если согласиться с его версией, что эти разрешения в устной форме имели место быть, то не понятно, как при том уровне взаимоотношений, что существовал между Кухарчиком и Маринеско, последний не озаботился получением письменных документов по своей хозяйственной деятельности. Кто, где и когда мог научить его вести хозяйственные дела на основе устных договоренностей? Тут невольно вспоминается 1942 года, когда Маринеско устно договорился с представителем бригады ПЛ на о. Лавенсари о месте и времени randevu возвращавшейся из похода М-96 с катерами эскорта. Но делалось это более чем за две недели до выхода в поход, что в условиях войны могло

восприниматься лишь как декларация о намерениях. Тогда устная договоренность привела лишь к попаданию под обстрел и бомбежку своими. Похоже, тот случай Александра Ивановича ничему не научил. Сейчас же речь шла о хозяйственной деятельности. Общеизвестно, что хозяйство что войскового подразделения, что гражданской организации ведется на основании документации, а не «по понятиям»! Не будь ситуации с Кухарчиком, все хозяйственные нарушения неизбежно всплыли бы при очередной ревизии института. Интересно, кого наш герой стал бы винить в своих бедах в этом случае? А так Маринеско приговорили по совокупности трех доказанных эпизодов со злоупотреблением служебным положением и двух дней прогула к трем годам лишения свободы. В отношении прогулов следует подчеркнуть, что на тот момент продолжали действовать статьи указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Судить уголовным судом за прогулы в Советском Союзе перестали лишь в 1956 году.

Так или иначе, но в феврале 1950 года Маринеско был отправлен в лагерь. Отбытие наказания осуществлялось в Ванинском исправительно-трудовом лагере Дальстроя. В современных публикациях, с подачи бывшего журналиста газеты «Известия» Э. Л. Поляновского, как правило, пишут, что лагерь находился на Колыме, однако даже двухминутное знакомство с картой России может доказать любому желающему, что порт Ванино находится рядом с другим крупным портом Дальнего Востока – Советской гаванью, и оба они находятся в Хабаровском крае, что достаточно далеко от Колымы. 30 октября 2013 года в год 100-летия со дня рождения Маринеско в Ванино был открыт памятник «подводнику № 1», на плите которого можно прочесть следующий текст: *«Герою Советского Союза. Командиру легендарной подводной лодки С-13 Александру Ивановичу Маринеско. С 1950 по 1951 год отбывал наказание в порту Ванино за сфабрикованное преступление. Реабилитирован в 1990 году. Администрация Ванинского муниципального района. Хабаровский краевой «Мемориал».* Памятник установлен в двух шагах от Поклонного креста, установленного в память о жертвах массовых политических репрессий – узников Ванинской пересылки 1930–1950-х годов. По всему получается, что жертвой этих репрессий считается и сам Маринеско, что вызвало недоумение у тех, кто занимается данной темой²⁵. Как справедливо указывает автор данной публикации, единственным документом, подтверждающим реабилитацию, является официальная справка о реабилитации, выданная соответствующими органами, но на Маринеско такой справки нет и никогда не было, поскольку он был осужден не по 58-й, а по 109-й статье УК²⁶. Политических досрочно не освобождали, а он был освобожден за примерное поведение 10 октября 1951 года, не отсидев и двух лет из трех положенных. Документов по этому периоду жизни «подводника № 1» нет, если не считать его писем жене, фрагменты которых опубликованы в различных работах и показаны в документальных фильмах. Судя по твердому и аккуратному почерку этих писем, в лагере он не был сломен ни духовно, ни физически. Помимо многочисленных минусов в новом поло-

²⁵ Кузьмина, М. Как капитан Маринеско стал жертвой политических репрессий в Ванино // URL: <http://www.debri-dv.ru/article/8202>

²⁶ Отсутствие точно информации об А. И. Маринеско зачастую приводит к появлению различных фантастических версий, в том числе о политическом характере его преследования у зарубежных историков. Так, например, Э. Бивор в своем труде «Падение Берлина. 1945» написал следующее: «До сих пор российские историки, следуя линии официальной советской историографии, продолжают утверждать, что на борту торпедированного лайнера находилось шесть тысяч гитлеровцев, из которых три тысячи семьсот были подводниками. Но кажется, что наибольшее внимание в России привлекает сегодня не трагедия людей, ставших жертвами советской подводной лодки, а судьба ее капитана Маринеско. Дело в том, что органы НКВД отказали в присвоении ему звания Героя Советского Союза, поскольку он имел сношения с иностранными гражданами. Маринеско едва избежал военного трибунала, за которым последовало бы неизбежное заключение в ГУЛАГ. И лишь в 1990 году, “накануне 45-й годовщины Победы”, ему посмертно было присвоено звание Героя». Вот так! Оказывается, в СССР присвоением наград занимались органы НКВД, суд трибунала неизбежно заканчивался ГУЛАГом, а судить Маринеско собирались за сношения с иностранными гражданами.

жении нашлись и плюсы. Несомненно, на пользу нашему герою пошло отсутствие алкоголя, заставившее перебороть зависимость от пагубной привычки на достаточно большой срок.

После освобождения с ноября 1951 года Маринеско работал топографом в полевой геодезической партии № 10 Западного геофизического треста (ЗГТ) Главного геофизического управления Министерства геологии РСФСР, штаб-квартира которого находилась в Ленинграде. В ряде документов эта партия называется Межозерной партией Онежско-Ладожской экспедиции ЗГТ, что довольно точно указывает на район фактического местопребывания нашего героя в данный период. Несомненно, что решение пойти работать туда не было добровольным, а определялось условиями досрочного освобождения и неснятой судимостью. Работа в тресте, судя по положительной характеристике (док. № 7.13) нареканий не вызывала. Выждав почти три года с момента злополучного суда, 5 ноября 1952 года. Александр Иванович уволился из треста и сразу же приехал в Ленинград. До июня 1953 года он официально нигде не работал, что, по-видимому, опять же определялось судимостью, которая была снята только по неизвестной «бериевской» амнистии – указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года. Впрочем, это не означает, что этот короткий период в жизни Маринеско не был ознаменован крупными событиями. Таким стало разрешение вопроса о членстве в партии.

Следствие и суд по делу нашего героя прошли столь стремительно, что партийная организация ЛИПК не успела рассмотреть вопрос о его персональном деле до момента его убытия в лагерь в феврале 1950 года. Как следует из справки, подготовленной секретарем парторганизации института (док. № 7.18), этот вопрос был рассмотрен только в апреле того же года и завершился исключением Маринеско из партии. В подобном исходе можно было не сомневаться, поскольку посадка в лагерь и членство в ВКП(б) были вещами не совместимыми. Однако судьба тут совершила необычайный финт – тогдашний секретарь парторганизации ЛИПК передал документы об этом в райком на утверждение, а значит, решение не состоялось! Это обстоятельство выяснилось только в сентябре 1952 года, и после возвращения Маринеско в Ленинград он был приглашен на заседание парторганизации своего бывшего института, которой предстояло решить вопрос о его членстве повторно. Для Александра Ивановича такой поворот событий оказался неожиданным. Сам он считал себя из партии давно исключенным, но сразу же сориентировался в обстановке и увидел возможность избежать этого, а значит увеличить свои шансы при назначении на должность на очередной работе. Ведь ни для кого не секрет, что именно членство в компартии в советский период открывало путь к занятию любых должностей, а по путевке райкома можно было неплохо устроиться на работу, перескочив сразу через несколько первичных должностей, как это было при устройстве Маринеско в ЛИПК. Правда, на пути к желанному результату лежал ряд препятствий. Самым неприятным являлось то, что партийные выговоры, полученные в декабре 1944-го и августе 1945 года, всё ещё оставались не снятыми. Не понятно, пытался ли Маринеско их снять за время работы в БГМП и ЛИПК, и если да, то почему ему не удалось этого сделать. В то же время есть все основания полагать, что герой сам не предпринимал такие попытки и вспоминал о своей принадлежности к коммунистической партии только тогда, когда этом могло ему в чём-то поспособствовать, а в остальное время оставался человеком, далеким от соблюдения норм, диктовавшихся уставом ВКП(б). По крайней мере, именно об этом говорят регулярные «пьяные истории» с его участием. В данном случае равнодушное отношение Маринеско к неснятым выговорам сыграло против него. Наличие двух выговоров означало, что третье нарушение партийной дисциплины – злоупотребление служебным положением, за которое наш герой был осужден в 1949 году, – должно было закончиться уже не выговором, а исключением. Именно это показали и результаты заседания партбюро ЛИПК, состоявшегося 4 декабря 1952 года (док. № 7.14). Однако решения партбюро по какой-то причине оказалось недостаточно, и вопрос вынесли на заседание всей первичной организации, где продолжали работать бывшие коллеги Александра Ивановича, несомненно, прекрасно помнившие его и суть его дела. Мы не станем переска-

зывать содержание стенограммы партсобраний, поскольку любой желающий может прочитать её сам (док. № 7.15). Несмотря на то, что Маринеско, отбросив приписываемую ему апологетами скромность, упирал на свои заслуги во время войны – якобы потопил пять судов, на которых погибло 16 тысяч немцев – мнения разделились. С перевесом в один голос парторганизация ЛИПК вынесла решение об исключении Александра Ивановича из партии. Удар был серьезным, но бывший командир подлодки не прекратил борьбу, а написал объяснительную записку в Смольнинский райком (док. № 7.16), где должно было утверждаться решение. Это возымело действие. Несмотря на то, что в документах, подготовленных к заседанию партбюро (док. № 7.17, 7.18), не было никаких иных предложений, кроме исключения, собрание решило, *«учитывая его заслуги перед Родиной в период Великой Отечественной войны, наличие боевых орденов за совершенный героический подвиг будучи командиром подводной лодки оставить его членом партии»* с заменой исключения строгим выговором с занесением в учетную карточку (док. № 7.19). Иными словами, Маринеско вышел практически сухим из воды – коммунистом с непрерывным стажем с 1944 года. В наши годы, памятуя о тех временах, невозможно поверить в то, что человек, отбывавший заключение в лагере, всё это время оставался членом ВКП(б). Однако именно это и написал Александр Иванович в своей очередной автобиографии при устройстве на работу на заводе «Мезон» в июне 1953 года (док. № 7.20).

Завод радиодеталей «Мезон» был создан в Ленинграде в 1951 года, как предприятие, работавшее на нужды обороны страны. Из книги А. А. Крона известно, что работать на нем Маринеско предложил бывший сослуживец по 1-му дивизиону ПЛ отставной инженер-капитан 2 ранга И. Р. Рамазанов. На этот раз с Александра Ивановича взяли весь положенный комплект документов, включая характеристику с предыдущего места работы. Впрочем, ничего настоящего в этих документах не нашли. Факт своего разжалования перед увольнением из ВМФ Маринеско, как и при устройстве в БГМП, скрыл, о причинах демобилизации не написал. Факт отсидки он скрыть не решился, но объяснил его, как впоследствии и А. Крону, личной неприязнью директора ЛИПК. 18 июня 1953 года Александр Иванович был принят на работу на должность диспетчера производственного отдела с окладом в 700 рублей.

Очередная попытка начать жизнь с чистого листа, казалось, начала удаваться. 1 августа у Александра Ивановича родилась вторая дочь – Татьяна, что окончательно укрепило его союз с женой Валентиной. Впрочем, почти в самом начале этого периода произошло одно событие, которое могло поколебать уверенность в уже выбранном курсе, а именно, призыв Маринеско для прохождения сборов офицеров запаса. Это дало внезапную надежду на восстановление в кадрах ВМФ, чему готов был содействовать целый ряд товарищей нашего героя, продолжавших служить на флоте, в том числе и с достаточно большими звездами на погонах. Как это ни покажется парадоксальным, но, став военным моряком не по доброй воле, Александр Иванович, пока служил, мечтал о жизни на «гражданке», но после увольнения в запас, если верить признаниям, сделанным им А. А. Крону, стал скучать по службе на подлодках.

О попытке восстановиться на флоте публицисты и журналисты упоминают крайне редко, пишут о каких-то малозначительных деталях, но не дают ответа на главный вопрос: почему это «второе пришествие» так и не состоялось? Ссылки на «бдительный политотдел» малоубедительны – люди там за прошедшие после войны годы сменились, имя Маринеско там было мало кому известно, если известно вообще. Несомненно, что направление призванного на сборы офицеров запаса Александра Ивановича на должность дублера командира «эски» С-20 состоялось не случайно, а благодаря протекции старого товарища – бывшего комдива 26-го ДПЛ, а тогда начальника штаба 17-й дивизии подлодок Балтфлота капитана 1 ранга Е. Г. Юнакова. Ответ на поставленный нами вопрос содержит аттестация, подписанная командиром 156-й бригады контр-адмиралом Н. И. Морозовым (док. № 7.22). Только две её фразы *«Уставы знает не твердо, выполнения их не требует. Лично дисциплинирован недостаточно, имел ряд случаев выпивок со своими бывшими сослуживцами»* уже ставили крест на так и не начав-

шейся повторно карьере «подводника № 1». Документ для нашего героя весьма нелестный, а потому необходимо пояснить: Николай Иванович Морозов на протяжении всей Великой Отечественной войны с первого её дня был командиром дивизиона «малюток» Северного флота и в качестве обеспечивающего участвовал в 23 боевых походах (более чем в четыре раза превзошел по этому показателю «подводника № 1»), неоднократно участвовал в торпедных атаках, в том числе и успешных, высадках разведгрупп, форсировании минных полей, бывал под бомбежками, одним словом, был настоящим морским волком. Его питомцы И. И. Фисанович и В. Г. Стариков стали Героями Советского Союза, причем задолго до того, как кому-либо стало известно имя Маринеско. Сам Морозов за время войны был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского и Нахимова 2-й степени, так что не доверять мнению этого заслуженного боевого офицера у нас оснований нет. Не смогли не посчитаться с данной оценкой и те, кто пытался помочь «подводнику № 1» восстановиться на флоте. В результате Маринеско вернулся на завод «Мезон», а данная стажировка если и имела результат, то только в плане утраты душевного равновесия и накопления обиды на ВМФ. В год своего сорокалетия Александру Ивановичу пришлось окончательно расстаться с мечтой: служить на флоте. Оставалось только трудиться на заводе, на не очень высокой и недостаточно хорошо оплачиваемой должности.

А. А. Крон в своей книге так описывал этот период в жизни нашего героя (со слов сына И. Р. Рамазанова – Наримана): *«На заводе знали, что Маринеско – моряк, чувствовалась морская косточка. Внешняя опрятность, четкость, вежливость, умение держать слово. Производство у нас грязноватое, чисто только в сборочных цехах, а в других есть и масляные брызги, и копоть. Александр Иванович всегда являлся на работу в белой рубашке с галстуком, в отглаженном костюмчике, а бывать ему приходилось всюду, и в штамповочном, и на складах. Работа диспетчера очень сложна, нужно, чтобы во все цехи заготовки попадали своевременно, нужно знать, что заказано на смежных предприятиях, и обеспечивать сборку деталями. Александру Ивановичу очень помогало отличное знание устройства корабля. На корабле, особенно на подводном, тоже всё основано на взаимодействии частей, там слаженность – вопрос жизни и смерти. У нас на заводе старший диспетчер – это высокое положение. Вроде как вахтенный командир на корабле. Надо быть всё время в напряжении, постоянно держать в памяти много разных дел. Александр Иванович был очень аккуратен, корректен, всегда готов прийти на помощь. У него была своя система и особая тетрадка, куда он заносил свои наблюдения, в затруднительных случаях я к ней прибегал, он охотно её давал, она так и осталась у меня. Жалею, что не сохранил, вам было бы понятнее, почему у него всегда был порядок. Он был волевой человек и честности непреклонной, хитрить не умел совсем. А ведь на производстве есть свои хитрости. Есть работа выгодная и невыгодная. Это в руках мастеров. Есть такие рабочие, что, получив выгодную работу, припрятывают её до удобного времени. А в это время завод выполняет срочный заказ, из-за них происходит задержка. Александра Ивановича это возмущало до глубины души, он говорил мне: «Нариман, на флоте мы таких людей не терпели». Когда кто-нибудь из начальников цехов пускался в пустые отговорки, он шел проверять и, если находил обман, во всеуслышание стыдил по заводскому селектору. В отделе снабжения он тоже отлично работал. Почему он перестал быть диспетчером – не знаю»²⁷.*

Добавим недостающие детали из документов. Первые четыре года работы прошли достаточно спокойно. У Маринеско имелись периодические нарушения трудовой дисциплины, но начальство ограничивалось лишь устными внушениями. В марте 1957 года наш герой написал заявление (док. № 7.23), в котором просил перевести его на более высокооплачиваемую работу, поскольку занимаемая им должность – с окладом в 700 рублей – его материально не устраивала.

²⁷ Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 155–156.

Дирекция пошла навстречу и с 1 апреля Александр Иванович стал уже старшим диспетчером с окладом 900 рублей. Однако прибавка в деньгах сопровождалась и серьезной прибавкой в ответственности. Старшие диспетчеры были начальниками смен на круглосуточно работавшем заводе, а в вечернее и ночное время, в отсутствии дирекции, самым главным начальством, несшим полную ответственность за производство. Понимал ли это наш герой в тот момент, когда писал заявление о переводе на работу с бóльшим окладом? Полной уверенности в этом нет, поскольку уже 10 мая, то есть на следующий день после пятнадцатой годовщины Победы, по прошествии чуть больше месяца с момента нового назначения, он прибыл на ночную смену в нетрезвом виде. И речь шла явно не об одной пропущенной рюмке, а о неспособности нести смену, для чего пришлось срочно вызывать другого диспетчера. Реакция начальства была молниеносной и жесткой: приказом по заводу от 22 мая Маринеско объявили строгий выговор, но что ещё хуже, сняли с должности и приказали отделу кадров подобрать ему работу в одном из цехов завода.

В отделе кадров долго размышляли и, наконец, 18 июня предложили бывшему командиру подлодки и кавалеру ордена Ленина на выбор должности маляра-смазчика, упаковщика или подсобного рабочего. На это Александр Иванович согласиться, естественно, не мог и решил перейти в контрнаступление – написал заявление в расценочно-квалификационную комиссию завода. Текст его не сохранился, но из протокола заседания комиссии (док. № 7.25) следует, что в нём содержалась жалоба на то, как было наложено взыскание и произошло отстранение от должности. С Маринеско не была взята объяснительная записка, а строгий выговор и отстранение были объявлены сразу, без предшествующих им взысканий меньшей степени строгости. Тут руководство завода, должно быть, пожалело о своей доброте и о том, что в предыдущих случаях ограничивалось устными внушениями. С формальной точки зрения Маринеско был прав, и начальству пришлось дать задний ход. Решением РКК от 27 июня отстранение от должности отменили, хотя выговор остался в силе. В то же время было ясно, что продолжать работать старшим диспетчером Александр Иванович в создавшейся ситуации не может и потому, в результате полюбовного соглашения сторон, с 4 июля он был переведен в отдел снабжения на должность руководителя группы по обеспечению материалами капитального строительства с окладом в 800 рублей. Поскольку строительство явно не было основным видом деятельности производящего радиодетали завода, можно предположить, что это была «тихая заводь», где руководство могло закрывать глаза на трудовую дисциплину Маринеско при том, что он получал зарплату всё-таки большую, чем обычный диспетчер. Впрочем, иногда происходили случаи, на которые закрыть глаза не удавалось. Таким стал трехдневный невыход на работу с 21-го по 23 марта 1959 года (на этот раз отмечалась годовщина Парижской коммуны?)²⁸, по поводу чего Александр Иванович написал достаточно откровенную объяснительную (док. № 7.28). Подобные явления А. А. Крон в своей повести романтическим языком описал как разрешение Маринеско самому себе «сделать выход». *«Конечно, это была болезнь, – писал Крон, вынужденный признать нелицеприятную, но слишком уж очевидную правду о своём герое. – Отступившая во время самых тяжких испытаний и вновь подкраившаяся, когда напряжение спало»*². Думается, всем понятно, какую именно болезнь имел в виду литератор. Это не мог быть рак, который был обнаружен врачами у Александра Ивановича только в 1962 году. Это был алкоголизм, о котором командование бригады ПЛ писало ещё в 1945 году. Впрочем, в тот момент Маринеско ещё удавалось скрывать от большинства окружающих эту «подводную часть айсберга» своей личности, и в этом ему немало способствовала начавшаяся кампания его прославления.

²⁸ Праздник ежегодно отмечался в СССР 18 марта (с 1918 по 1951 гг.). – Прим. ред. Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 156.

Стараниями А. А. Крона сложился особый образ Маринеско: скромный человек, не любивший говорить о своих заслугах. Например, в его повести можно прочесть следующие строки: *«Мария Гавриловна (хозяйка квартиры) добавляет: «Хороший был человек. И работник хороший. Выпившим я его никогда не видела. О своих заслугах никогда не говорил. Однажды я увидела его с орденом Ленина, попросила рассказать, за что он его получил. Отишутился: “А нечего рассказывать. Была война, тогда многие получали...”»*²⁹ Подобные слова плохо вяжутся с признаниями самого Александра Ивановича (*«Моя прежняя деятельность до института была связана с морем, где я чувствовал себя немного “героем”, имея ряд военных успехов и наград за участие в Отечественной войне»*, док. № 7.16) и его фотографиями того периода с орденом Ленина в петлице гражданского пиджака. Как мы знаем, он заявлял, что этим орденом его наградили вместо присвоения звания Герой Советского Союза (док. № 7.15), что также не было очком ни в пользу его скромности, ни в пользу правдивости. К этому можно добавить и заявление, что он потопил пять судов, на которых погибли 16 тысяч немцев (док. № 7.15). Таких цифр на тот момент он не мог почерпнуть ни в советской, ни даже в не читаемой в СССР западногерманской литературе! Масла в костер тщеславия подлили бывшие сослуживцы.

Точкой отсчета в эпопее, завершившейся в 1990 году присвоением Маринеско звания Герой Советского Союза, следует считать 29 мая 1959 года, когда в Кронштадте состоялась первая встреча ветеранов бригады подплава КБФ. Её инициатором и организатором был всё тот же Е. Г. Юнаков, ставший к тому времени командиром 3-го учебного отряда подводного плавания Кронштадтской военно-морской крепости. Встреча происходила с участием заместителя начальника Военно-морской академии контр-адмирала Л. А. Курникова, Героев Советского Союза С. П. Лисина и М. С. Калинина и многих других. Доподлинно не известно, был ли именно тогда впервые вручен Маринеско молочный поросенок, но именно на этой встрече были оглашены данные, почерпнутые из немецкого журнала «Марине Рундшау», о том, что Маринеско потопил лайнеры «Густлоф» и «Штойбен», а, следовательно, по потопленному вражескому тоннажу является «подводником № 1» советского ВМФ. Подобные встречи происходили ежегодно, вплоть до последнего года жизни Маринеско, и в них принимали участие даже такие «большие люди» как бывший командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц, который, судя по фото, общался с Александром Ивановичем в курилке «по-простому». Всё это способствовало не только распространению информации о незаслуженно забытом герое, но и проникновению симпатией к нему со стороны влиятельных лиц, которые могли повлиять если не на официальное награждение, то на материальное положение Маринеско.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что в 1950-е годы журнал «Марине Рундшау» публиковал сравнительно мало статей, посвященных военным действиям на море между СССР и Германией в 1941–1945-м гг. Сказывалось отсутствие доступа к архивам: немецким по причине захвата их союзниками, советским – по вполне понятным причинам. Накапливались документальная и статистическая базы, формировались первые выводы об эффективности или неэффективности тех или иных родов сил ВМФ различных государств на разных этапах войны и театрах военных действий. В рамках этого в апрельском, майском и июньском номерах за 1959 год были опубликованы списки судов всех стран мира тоннажем более 10 000 брт, потопленных за время Второй мировой войны подводными лодками. Каково же было удивление наших исследователей (журнал попадал в спецхраны библиотек и был доступен только для военно-морских историков в погонах), когда в списке оказалось всего два судна, уничтоженных советскими подводниками, причём оба из них приходились на счет С-13 и её командира А. И. Маринеско, о чём прямо и было написано в немецком журнале. Получалось, что немцы лучше знали имена наших героев, чем мы сами. Это обстоятельство и уязвило национальную гордость и как бы вдохнуло новую жизнь в тезис об оклеветанном и

²⁹ Крон, А.А. Капитан дальнего плавания. – М., 1990. – С. 150.

незаслуженно уволенном герое, а эта тема на самых разных конкретных примерах уже стала частью российского национального эпоса.

Для нас же во всей этой истории примечателен другой момент: получив цифры из немецкого журнала, наши историки и ветераны подплава, по всей видимости, незаметно для себя, позаимствовали и немецкий подход к определению успешности командира – суммарный тоннаж потопленных им судов. Для наших бывших противников такой стандарт был более-менее оправдан: подавляющее большинство подводных лодок кригсмарине сражалось на одном и том же театре (Северная Атлантика), где в рамках различных периодов войны все они действовали в примерно одинаковых условиях обстановки. Более того, сам командующий немецким подводным флотом гросс-адмирал Карл Дёниц прямо указывал, что борьба за потопленный тоннаж является главным смыслом и содержанием борьбы на вражеских коммуникациях, и, если удастся потопить больше тоннажа, чем его строят союзники, можно будет добиться блокады Великобритании и принуждения её к сдаче. С учетом этого для немцев не имело значения, везло ли судно груз или нет, следовало в составе конвоя или одиночно, двигалось курсом на Англию или стояло на приколе на рейде какого-нибудь далекого колониального порта. Тот из командиров, кто топил больше тоннажа, и считался наиболее заслуженным. При длительном периоде боевой карьеры немецких «U-ботов» в начале Второй мировой войны, при списках, включавших 20 и более потопленных судов, разница в обстоятельствах потоплений и в тоннаже отдельных единиц в целом нивелировалась и в сухом остатке оставались только суммарные цифры.

Совсем другая ситуация складывалась для советских подводников. На каждом из трех театров военных действий существовала своя, не сравнимая с другим театром, специфика. Например, на Севере противник почти не использовал для перевозок лайнеры, а на Черном море не то что 10-тысячников, там судов более 1000 брт у противника одновременно на ходу было не более двух десятков и ни одно из них не превышало 7000 брт. В то же время подводники Севера и Черного моря не имели препятствий к выходу в открытое море, в то время как балтийские уже фактически с осени 1941 года были поставлены перед необходимостью форсировать мощные противолодочные рубежи в Финском заливе. В 1943 году и трех первых кварталах 1944 года эти рубежи не смогла прорвать ни одна подлодка КБФ. Зато в 1942 году и в завершающие месяцы войны после прибытия на позицию балтийские подлодки сталкивались со слабо или даже вовсе не охраняемым судоходством, в то время как на Севере, с начала 1943 года, немецкое командование проводило суда в конвоях за двойной линией эскортных кораблей. В результате получалось, что для потопления скромного судна на Северном театре в рамках конкретной атаки командиру подлодки приходилось проявлять куда больше мастерства, чем для потопления крупного лайнера на Балтике. Именно по этой причине в качестве мерила успеха в годы войны для советских подводников был установлен не суммарный тоннаж, а количество побед – ведь и для потопления скромной БДБ и лайнера размером со «Штойбен» требовалось попадание всего одной торпеды, и размеры судна никак не говорили о военном таланте командира, проявленном для того, чтобы эта цель отправилась на дно. Мастерство, скорее, требовалось для попадания в малоразмерную цель.

И ещё один момент: статистика тоннажа, как и любая другая статистика, начинает давать правильный результат, только когда существует достаточно широкая цифровая база для анализа. Понять это можно на простом примере: глупо хвалить спортсмена за то, что он занял второе место, если в соревнованиях участвовало всего двое. Применительно к советским подводным лодкам, ни одна из которых, по подтвержденным данным, не потопила более семи судов, да и то в основном малого и среднего тоннажа, это означает, что один «Густлоф» может «перевесить» показатели целого дивизиона субмарин Северного или Черноморского флота, а это уже противоречит всякой нормальной логике.

Но вернемся к рассмотрению последних лет жизни А. И. Маринеско и начавшей набирать обороты кампании за присвоение ему звания Герой Советского Союза.

Важной вехой на пути к этому стала состоявшаяся летом 1960 года вторая встреча ветеранов-подводников, на которой Александр Иванович познакомился с А. А. Кроном. Точнее, знакомы они были с зимы 1942 года, но настоящая дружба завязалась между ними именно тогда – в 1960 году. К тому же периоду жизни относится и запись бесед, легшая впоследствии в основу книги «Капитан дальнего плавания». Публикация статьи А. А. Крона о Маринеско в «Литературной газете» вызвала шквал писем в редакцию и разожгла интерес к теме в широких кругах населения Советского Союза.

Во многом благодаря этому и наличию старых друзей Маринеско удалось добиться и такого важного для себя решения, как изменение приказа об увольнении из ВМФ. Приказом Министра обороны СССР № 600 от 26 ноября 1960 года отменялись пункты всех приказов по отстранению от должности, разжалованию и увольнению его из Вооруженных сил, а вместо них теперь следовало считать, что он был уволен с должности командира С-13 в звании капитана 3 ранга по сокращению штатов. Конечно, стремление помочь старому товарищу свято, но сами по себе новые формулировки не могут не вызывать недоумения. Понятно, что командование может снять взыскание, если посчитает, что оно было наложено незаслуженно или сыграло свою воспитательную роль. Но как оно могло отменить «собственное желание», по которому уволился Маринеско? И потом, разве экипаж С-13 расформировывался или в штат вносились какие-то изменения, да такие, что командира подлодки можно было уволить «по сокращению штатов»? И вообще, как можно уволить с плавающей подлодки «по сокращению штатов» командира? Даже в качестве анекдота такое звучит дико. Ничего подобного в действительности, конечно же, не было, более того с августа по ноябрь 1945 года эту должность занимал совсем другой человек, а это значит, что согласно новому приказу в тот период у корабля было два командира. Впрочем, это было далеко не последнее не вполне законное решение в «борьбе за восстановление честного имени народного героя».

Смыслом же в изменении статей приказа было не моральное удовлетворение, а куда более прозаические материальные мотивы. Маринеско и его товарищи верили в то, что если пенсия будет насчитана не старшему лейтенанту, а капитану 3 ранга и не командиру тральщика, а командиру подлодки, её размер значительно вырастет. После вышеописанного приказа Министра обороны финотдел военкомата произвел перерасчет пенсии и... она осталось точно такой же – 700 рублей. Как оказалось, звание на размер пенсии не влияло, а последняя должность при расчете, по непонятной причине, и ранее была учтена как командир подводной лодки. Таким образом, с учетом 25 лет выслуги Маринеско в ВМФ в льготном исчислении ему полагалось 50 % от должностного оклада в 1400 рублей. В общем, все хлопоты были потрачены впустую. Интересно отметить, но в тот же год, 1 июня, на заводе «Мезон» тихо, без всякого скандала и формального повода, Александра Ивановича перевели с должности руководителя группы на должность старшего техника отдела снабжения. Как ни странно, но оклад при этом остался старый – 800 рублей. Несомненно, что такая щедрость была проявлена именно с учетом военных заслуг бывшего командира С-13. Что же касается причин перевода, то и о них догадаться не трудно – Маринеско в его тогдашнем состоянии уже не справлялся с работой руководителя и мог быть только рядовым исполнителем – одним из многих, про дисциплину которого, в крайнем случае, можно и забыть. Одним словом, после начавшейся весной 1959 года кампании по прославлению руководство завода перестало предъявлять Александру Ивановичу какие-либо претензии, свидетельством чего могут считаться и выданная в военкомат характеристика (док. № 7.30), и перевод на должность техника с сохранением оклада руководителя, и сохранение в кадрах завода в тот момент, когда Маринеско уже физически не мог работать из-за заболевания раком.

Финальный акт жизненной драмы нашего героя начался в декабре 1961 года. В современной литературе есть упоминания о нём, но нигде данный факт не излагается верно. Вот, как описывает его в своих работах один отставной полковник юстиции: *«Сведений о втором судебном процессе над Маринеско ещё меньше, чем о первом. Не установлено точно – когда это было. Неизвестно даже по каким правилам – уголовного или гражданского производства – слушалось это дело. Суть же его была в следующем. Маринеско остро нуждался в деньгах – пенсию он получал мизерную, заработок был небольшой. К тому же платил алименты. Руководство завода пошло ему навстречу, разрешило подрабатывать сверх установленного оклада. Внезапно нагрянувшая ревизия выявила нарушения, материалы были направлены в суд, который постановил взыскать с Маринеско все полученные им излишки. Даже когда он уволился в связи с раком горла и пищевода, эти излишки продолжали вычитать по исполнительному листу из пенсии»*. Как мы покажем ниже, правды в этом абзаце столько же, сколько неправды. Начнем с утверждения, что государство решило отобрать у Маринеско честно заработанные им деньги свыше какого-то мифического «установленного оклада». Работнику юстиции должны быть известны действовавшие в то время советские законы, в том числе и те, которые не позволяли получать деньги свыше оклада, но ссылки на них он не приводит. Не делает он этого потому, что их не было. А вот что было на самом деле.

Толчком ко всему послужила ревизия бухгалтерии завода «Мезон» на предмет правильности выдачи справок о зарплате работающим военным пенсионерам. Дело в том, что в то время размер пенсии военнослужащих не был фиксированным, а играл роль определенного пособия, которое позволяло пенсионеру не умереть с голода, если он совсем не работал, но быстро «теряло в весе» до половины своего значения, если пенсионер работал и много получал. Конкретно для Маринеско это выглядело так:

- если заработок и пенсия в сумме не превышали 1400 рублей, то пенсия выплачивалась в полном размере – 700 рублей;

- если заработок пенсионера и полная пенсия, взятые вместе, превышали 1400 рублей, то причитающаяся к выплате сумма пенсии уменьшалась с таким расчетом, чтобы заработок и часть пенсии не превышали этой суммы;

- при заработке 1050 рублей и более пенсия выплачивалась в половинном размере.

Ревизия, проверявшая только документы с декабря 1959 года по ноябрь 1961 года, показала, что Маринеско, регулярно предоставлявший справки о том, что его зарплата составляет 700 рублей, что было меньше заводской зарплаты, только за этот период переполучил 654 рубля 46 копеек. *«Считаю необходимым обратить внимание пенсионного отдела горвоенкомата на то, – писал в своём акте проверяющий, – что в данном случае систематического обмана государства со стороны гражданина Маринеско А.И... следовало бы проверить правильность справок, сдаваемых Маринеско в Госбанк за все предшествующие годы»* (Подчеркнуто в документе. – Прим. сост.)³⁰. И такая проверка была произведена. Согласно её акту (док. № 7.32) общая сумма переплаты за время работы Маринеско в «Мезоне» составила 1262 рубля 12 копеек (в новом масштабе цен после денежной реформы 1961 г., когда все суммы сократились в 10 раз; в старом масштабе цен – 12 621 рубль). Позже был произведен ещё один перерасчет, окончательно установивший размер переплаты, и он составил 1432 рубля 65 копеек – огромную по тем временам сумму. Но это была лишь денежная сторона вопроса, а была ещё и другая. Чтобы получить свой незаконный доход, Маринеско за девять лет представил в Госбанк 15 фиктивных справок и две подписки (док. № 7.37). В своей объяснительной (док. № 7.34) он писал, что фиктивные справки его заставляла получать нужда и наличие трех иждивенцев, и ему оформляли их в бухгалтерии завода из сочувствия. Впрочем, в бухгалтерии полностью отвергли эти заявления (док. № 7.33), а это означало, что всю ответственность за подделку

³⁰ Санкт-Петербургский городской военкомат. Личное дело № 122248 на Маринеско А.И. – Л. 166об – 117об.

документов и подписей должностных лиц должен был нести сам Маринеско. Даже если предположить, что бухгалтеры настолько сильно сочувствовали Александру Ивановичу, что действительно подделывали зарплатные справки, подставлять их под удар кажется совсем не этичным. Кроме того, невольно в этой ситуации просматривается параллель с историей, случившейся в ЛИПК, где, по словам Маринеско, во всём был виноват директор, отказавшийся от своих устных разрешений. Неизвестно, чем закончилось расследование для сотрудников бухгалтерии «Мезона», но для нашего героя оно имело крайне неприятный поворот.

Представляется, что он мог быть ещё более неприятным, если бы ревизоры не стали ограничивать своё расследование заводом «Мезон», а попытались бы провести проверку по другим местам работы Маринеско. Из материалов его личного дела, ныне хранящегося в Санкт-Петербургском городском военкомате, следует, что в период службы в БГМП он стабильно представлял справки о том, что, работая старпомом, получает по 680–690 рублей. Возможно, его должностной оклад действительно был таким, но в эту сумму абсолютно точно не входили выплаты по тем премиям, которые он получал в период службы на плавающих судах. В то же время, по закону суммы выплаты премиальных тоже должны были учитываться при расчете пенсии. Но всё это было ещё «цветочками» по сравнению с периодом работы в ЛИПК. По всей вероятности, поняв, что липовую справку о зарплате в 700 рублей при фактической в 930 Кухарчик ему не подпишет, «человек непреклонной честности» решил вопрос кардинально – начал оформлять справки от управдома, что он вообще не работает. В последней из них (док. № 7.12) утверждалось, что Маринеско не работал с 7 декабря 1948 года по 1 февраля 1950 года, то есть практически весь период работы в ЛИПК. Дело дошло до того, что с него даже удержали переплату в размере 1925 рублей 30 копеек за незаконно полученную пенсию за вторую половину декабря 1949 года, январь и февраль 1950 года – гражданам, приговоренным судом к отбыванию наказания в лагере, выплата пенсии не полагалась. Вместе с тем никто в военкомате не попытался сопоставить два лежавших на поверхности факта: то, что Маринеско был осужден как зам директора ЛИПК по АХЧ, и пенсионные справки о том, что на момент суда он являлся безработным.

Так же хотелось бы кратко осветить тему количества иждивенцев в семье Александра Ивановича. Согласно объяснительной, в семье их было трое, но приемный сын Борис (1938 г. р.), даже при условии учебы его в дневном очном отделении ВУЗа с 1959 года иждивенцем считаться уже не мог. Никаких алиментов до июня 1962 года Маринеско не выплачивал, и утверждение об этом оставим на совести тех, кто про них написал. Остаются младшая дочь и жена. Последняя была вполне трудоспособного возраста и могла бы работать, если бы не проблемы со здоровьем. В своей книге старшая дочь Леонора передала разговор, состоявшийся между ней и отцом, в ходе которого он сказал, что *«Валентина пристрастилась к спиртному и он уже не может влиять на неё»*³¹. Как мы знаем, из-за этого в марте 1959 года она попала на лечение в диспансер, как об этом написал в объяснительной сам Маринеско. В конечном итоге, между Александром и Валентиной произошел разрыв и их семья распалась, но, насколько можно судить по документам, это случилось ближе к концу весны 1962 года. В середине 1950-х, когда Маринеско вовсю подделывал справки, ничто не мешало Валентине работать, как и миллионам других советских женщин, имевших детей. Другое дело, что против того, чтобы она работала, мог выступать сам Александр Иванович. В любом случае, материальное положение коллег Маринеско по работе, которые не получали ежемесячно 1400 рублей зарплаты и пенсии, было хуже, но они не шли из-за этого воровать или подделывать документы. Он нарушил закон и теперь должен был за это ответить.

Сначала казалось, что проблему можно решить по взаимному согласию сторон. 31 января 1962 года Александр Иванович написал заявление на имя начальника пенсионного отдела

³¹ Маринеско, Л.А., Леонов, Б.Г. Ты наша гордость, отец! – Одесса, 2005. – С. 143.

Ленинградского городского военкомата с просьбой в связи с его тяжелым материальным положением дать ему возможность погасить переплату, вычитая ежемесячно по 50 % пенсии, и получил на это его резолюцию «согласен». Но дело уже попало в прокуратуру Ждановского района Ленинграда, а там махинатора решили судить по закону. Прокуратура собрала все необходимые документы, в том числе затребовала исковое заявление в суд от военкомата, как от пострадавшей стороны (док. № 7.38). Впрочем, в нём содержалось лишь ходатайство взыскать с Маринеско переполученную сумму. Приговор суда нам, к сожалению, обнаружить не удалось, но из других документов (док. № 7.42) известно, что он состоялся в апреле 1962 года и был вынесен: помимо обязательства погасить переплату, А. И. Маринеско приговорили ещё и к двум годам лишения свободы условно. Такой приговор можно считать максимально мягким для человека, который до этого уже преступал закон и был осужден. Сложно сомневаться в том, что и в этот раз наш герой указывал на свои военные заслуги и просил проявить к нему снисхождение. Его проявили, благодаря чему это темное пятно в жизни «подводника № 1» вообще оказалось скрыто от внимания общественности. Возможно, впервые за свою жизнь наш герой испытал чувство стыда, поскольку не сообщил никому о произошедшем даже в видоизмененной, сглаженной версии. Впервые об этом написал журналист газеты «Известия» Э. Л. Поляновский, но сделал он это лишь после присвоения А. И. Маринеско звания Герой Советского Союза (посмертно) и в весьма своеобразной вычурно-эмоциональной манере, заставлявшей усомниться в источниках и достоверности информации. Возвращаясь же к приговору, нужно подчеркнуть одну важную деталь: по нему полагались ежемесячные вычеты в пользу государства 20 % от всех доходов (зарплаты и пенсии) Александра Ивановича.

Как оказалось, это было только началом целой череды неприятностей. Весной 1962 года распалась вторая семья Маринеско и он ушел жить к другой женщине – Валентине Александровне Филимоновой. Бывшая жена не осталась в долгу и сразу подала на выплату алиментов в пользу малолетней дочери – 25 % от всех доходов. Не понятно, с какого именно момента начались удержания по третьему исполнительному листу – в пользу престарелой матери, которой также полагалось 25 % от всех заработанных средств. Таким образом, Александру Ивановичу оставалось менее трети от его пенсии и зарплаты. Следующим ударом стало смертельное заболевание, обнаруженное у Маринеско в конце 1962 года, – рак пищевода. Об этом он признался А. А. Крону только в августе 1963 года в связи с тяжелым материальным положением. Всё это время друзья Александра Ивановича хлопотали о назначении ему персональной пенсии, но это не находило положительного решения. Согласно статье Э. Л. Поляновского, Маринеско даже написал в одном из писем к писателю фразу (сам Крон её никогда не цитировал): *«Последнее время – на 51-м году жизни я начинаю терять веру в советскую власть»*. Слов нет, материальное положение Александра Ивановича в последние месяцы жизни, тем более с учетом тяжелой болезни, было катастрофическим, но разве советская власть была в нём виновата? Разве она заставляла Маринеско подделывать документы и бросать жен с несовершеннолетними детьми, что и привело к значительным удержаниям его доходов? Впрочем, наше герой оставался верен себе – он всегда находил виновного в своих невзгодах, и никогда не винил в них себя. Его святая вера в собственную невиновность действовала на окружающих магически. На помощь к Александру Ивановичу приходили всё новые воспитанные этой самой советской властью люди: бывший заместитель наркома ВМФ адмирал флота И. С. Исаков и весьма известный в то время писатель С. С. Смирнов, к которым А. А. Крон обратился за помощью. Исаков ежемесячно стал высылать Маринеско по 100 рублей, С. С. Смирнов 4 октября 1963 года посвятил «подводнику № 1» целый выпуск телеальманаха «Подвиг». После этого известность Маринеско стала все-союзной, со всех концов страны начали приходить денежные переводы, но это уже не могло изменить печального финала – 25 ноября 1963 года Александр Иванович умер от рака.

Растянувшаяся на 27 лет кампания за присвоение А. И. Маринеско звания Герой Советского Союза не является предметом нашего исследования, но о ней всё-таки необходимо вкратце рассказать.

Сразу после смерти Маринеско И. С. Исаков и А. А. Крон задумали совместную книгу о «подводнике № 1», но из-за резкого ухудшения здоровья самого адмирала и последовавшей в октябре 1967 года его смерти этим планам не суждено было сбыться. Вместе с тем эта незавершенная работа оставила довольно заметный след. Дело в том, что, опираясь на тенденциозную подборку фактов из немецкой публицистической литературы и статей в «Марине Рундшау», Исаков выработал собственную, на наш взгляд, неоправданно завышенную оценку результатов атаки С-13 и её влияния на исход Великой Отечественной войны. Возможно, влияние на это оказал тот факт, что после тяжелого ранения с конца 1942 года он был оторван от реальных дел флота и недостаточно представлял себе масштаб и взаимосвязь тех или иных событий. Вопреки известным цифрам и свидетельствам он утверждал, что *«героическим подвигом, потрясшим фашистов, начиная с самого Гитлера, является беспримерный успех атак подводной лодки “С-13”*. Именно его статье в журнале «Советский Союз» (док. № 8.1), вышедшей к 20-летию Победы, мы должны быть благодарны за большинство тех клише – *«беженство фюрера», «враг рейха № 1», «трехдневный траур», «расстрел командира конвоя»,* – которыми до сих пор пестрят публикации о «подводнике № 1».

Стоит подчеркнуть, что благодаря живому интересу к современной немецкой исторической литературе И. С. Исакову были известны правильные цифры (количество и состав пассажиров транспорта «Вильгельм Густлоф») и в своих письмах А. А. Крону он недвусмысленно указывает на это. В вышедшей ещё в 1959 году в Германии книге немецкого историка К. Беккера «Балтийское море – немецкая судьба 1944/45» (её переведенные фрагменты адмирал посылал Маринеско осенью 1963 г.) на страницах 204–205 говорилось, что на лайнере находилось 4658 человек, в том числе около 1000 военнослужащих и членов экипажа, около 400 женщин вспомогательной службы ВМС и около 3000 беженцев. Позже появились и другие цифры, где точно определялось число находившихся на борту подводников и потери среди них. Немалую лепту в их уточнение внес спасшийся 4-й (пассажирский) помощник капитана лайнера Х. Шён, опубликовавший свои книги в 1952-м и 1960 году. По его сценарию в том же 1960 году был снят художественный фильм «Ночь опустилась над Готенхафеном», запечатлевший трагедию пассажиров «Густлофа». Опираясь на записи Крона, можно прийти к выводу, что всё это никак не повлияло на позицию И. С. Исакова – он без колебаний использовал те зарубежные цифры, что его устраивали, и не обращал внимания на те, где масштаб катастрофы описывался меньшим, по сравнению с публикациями английских и шведских газет февраля 1945 года. Всё это объяснялось официальной позицией советской пропаганды того времени, схватившейся не на жизнь, а на смерть с пропагандой западной в идеологической составляющей «холодной войны». Эстафетную палочку у покойного адмирала принял сам Н. Г. Кузнецов, которому Исаков передал свою папку с подборкой материалов про Маринеско незадолго до смерти. Статью бывшего наркома в июльском номере журнала «Нева» за 1968 год (док. № 8.3) многие восприняли как запоздалое покаяние и руководство к действию по развертыванию кампании за присвоение «подводнику № 1» Золотой Звезды. На наш же взгляд, явное несоответствие истине легко проверяемых фактов касательно «Густлофа» и «Штойбена», а также высказывание многих оценок без знания всех обстоятельств, предшествовавших походу С-13 в январе 1945 года, явно свидетельствовало не в пользу Николая Герасимовича как военно-морского историка. Фактически он не только подтвердил явно завышенную оценку январско-февральского похода «эски», сделанную Исаковым, но и добавил в неё свою лепту.

Например, он написал, что «Густлоф» шел в составе хорошо охраняемого конвоя, куда входил крейсер «Хиппер», а все, кто находился на борту лайнера, это *«отборные офицеры, первоклассные специалисты-подводники, эсэсовцы, фашистские бонзы»*.

Следует подчеркнуть, что в частной переписке с В. Ф. Трибуцем ещё в 1967 году последний пытался предостеречь бывшего начальника (док. № 8.2) от упрощения ситуации с Маринеско и высказал личную точку зрения на то, почему тому не было своевременно присвоено звание Герой Советского Союза. Но, по-видимому, симпатии опального главкома в тот момент уже были всецело на стороне опального подчиненного, и, возможно, именно личность просителя стала камнем преткновения для Главного совета ВМФ при рассмотрении большого числа ходатайств и представлений о присвоении Маринеско Золотой Звезды. Реальные события уже мало кто помнил, а некоторые сознательно их искажали или упрощали, приводя всё к простым для восприятия трафаретным схемам типа «отличный командир – зависть и месть стоявших над ним штабных и политотдельских ничтожеств». Не удивительно, что служившие в штабах и политотделах реагировали отрицательно. Так сформировалась и окрепла адаптированная для широких кругов версия, старт которой дал сам Маринеско: нарушение у него за всю службу было одно-единственное, море он любил, а экипаж и женщины любили его, и никто не виноват в том, что многие начальники ему завидовали.

Но, кроме этого, в кампании за реабилитацию «подводника № 1» существовало ещё кое-что, о чём не говорилось во всеуслышание, но что точно являлось фактическим мотивом для части активистов. Представляется, что уже в то время эта кампания рассматривалась некоторыми, как своеобразная месть не только политическим органам на флоте, но и всей партийной системе в стране, как попытка расшатать её основы, используя дело Александра Ивановича в качестве точки опоры. А опорой это было прочной – ведь на поверхности, с одной стороны, лежал «величайший подвиг», который признали даже крупные советские флотоводцы, а с другой – нищета, в которой умер «подводник № 1». И в споре – заслужил Маринеско звание Героя или не заслужил – никого не интересовали реальные обстоятельства атаки на «Густлоф» и то, что большинство погибших на нём были не подводники, а гражданские лица, а на «Штойбене» не эсэсовцы-танкисты, а раненые. А раз так, то Маринеско – герой, деяние которого можно и нужно ставить в один ряд со взятием рейхстага, его успех нужно пропагандировать, а не замалчивать. За пропагандой подвига последовало бы более лояльное отношение и к тем наклонностям, которые осуждались на партийных собраниях и в штабных кабинетах, но которыми отличался народный кумир. Ведь чего греха таить: у Маринеско, у его стиля жизни и службы, было и есть много последователей, «свободу поведения» которых всегда душила удавка партийных комиссий – любимого места обращения жен по поводу пьянства и измен своих мужей. С конца 1991 года парткомиссии прекратили существование, но стал ли офицерский корпус Российской армии от этого более боеспособным?

Не утруждали себя знакомством с фактами истории и те, кто придерживался мнения, что Маринеско недостоин награждения. Например, по информации Э. Л. Поляновского, в 1967 году газета КБФ «Страж Балтики» опубликовала статью, в которой утверждалось, что атакой С-13 на «Густлоф» руководил старпом Ефременков, а не Маринеско, который якобы находился в «нерабочем состоянии». С учетом всех обстоятельств того похода, а также нахождения инструктора политотдела БПЛ на борту «эски» (док. № 6.17) такое утверждение не может квалифицироваться иначе, чем глупая выдумка. При этом интересно отметить, что ни та, ни другая сторона конфликта не уделяла практически никакого внимания зарубежным публикациям по теме гибели «Густлофа» и не предпринимала собственных попыток провести расследование по зарубежным архивам, благо такая возможность с середины 1970-х годов появилась. Многие документы в виде фотокопий публиковались в книгах Х. Шёна, и за ними даже не требовалось обращаться в архив. Ряд наших журналистов и писателей встречались с самим Шёном, но и это не привело к выработке какой-то взвешенной и консолидированной позиции по вопросу вклада экипажа и командира С-13 в Победу в Великой Отечественной войне.

Обмен стрелами между сторонниками и противниками награждения с переменной интенсивностью продолжался до начала «перестройки». Выйти на новый качественный уро-

вень этой теме помог случай: в октябре 1986 года в Лиепае на территории базы 14-й эскадры подводных лодок на деньги моряков был установлен памятник работы скульптора В. С. Приходько. На лицевой стороне памятника имелась надпись: «Героическому экипажу Краснознамённой подводной лодки “С-13”, его боевому командиру Маринеско А. И.» Через две недели с памятника сняли фамилию Маринеско и слово «Героическому». Осталось «экипажу Краснознаменной ПЛ “С-13”». По информации Э. Л. Поляновского это было сделано по прямому указанию Главного политуправления ВМФ. Данный факт стал достоянием редакции газеты «Известия», которая развернула двухгодичную кампанию за реабилитацию народного героя. В ходе неё «Известия» опубликовала семь статей о Маринеско. Оппонировала им газета ДКБФ «Страж Балтики». Одновременно инициативу поддержали общественные организации, в частности Союз писателей СССР (док. № 8.6) и созданный в конце 1989 года ленинградский «Комитет в защиту Маринеско». С октября 1989 года по февраль 1990 года указанный комитет собрал более 40 тысяч (а не 1 миллион, как это говорится в некоторых изданиях, – см. док. № 8.11) подписей граждан в поддержку инициативы. В феврале 1990 года эта организация направила в Президиум Верховного Совета СССР копию старого и новое представление, а также наградной лист (док. № 8.10).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.